

О жизни и философии Григория Сковороды

О ЖИЗНИ И ФИЛОСОФИИ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Содержание

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ.....	3
М.И.Ковалинский	
ЖИЗНЬ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ	
Написанная 1794 года в древнем вкусе.....	
М.Е.Чайковский	
МИРОВОЗЗРЕНИЕ УКРАИНСКОГО ФИЛОСОФА И	
ПРОСВЕТИТЕЛЯ XVIII СТОЛЕТИЯ	
Г.С.СКОВОРОДЫ И УЧЕНИЕ «ЖИВАЯ ЭТИКА».....	
	67

Брошюра посвящена выдающемуся философу, поэту, просветителю 18-го века Григорию Саввичу Сковороде. «Странник я на Земле», говорил о себе он. Огненный дух его отделял его от всяких земных привязанностей и делал гражданином Вселенной, который, «не имея родства, стяжаний, постоянного угла, где главу преклонить», всю жизнь искал сокровищ истинных, нетленных. Какое же знание о Высшем мире стремился передать людям Г.Сковорода? «Теперь мало кто понимает Бога, – писал он. – Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь пронизывает и содержит; везде всегда был, есть и будет... Подданный его есть всякий народ». Смысл бытия философ видел «в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержанности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести всенужнейшее, в отвержении всех прихотей, дабы сохранить себя самого в целостности, в обуздании самолюбия, дабы удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы божией, а не человеческой». Так утверждал Сковорода своё моральное кредо и следовал ему всю своей жизнью. Не раз предлагали ему принять высокий церковный сан, на что Григорий Савич отвечал: «Риза, риза! Сколь немногих ты опреподобила! Сколь многих окаянствовала, очаровала... блажен, кто святость сердца не сокрыл в ризу, но в волю господню!» Эти и другие подобные высказывания вызывали негативную реакцию со стороны православного духовенства, и философ не раз становился жертвой травли и клеветы со стороны церковных чиновников. Но это не

заставило его переменить образ мыслей в угоду существующим антихристианским традициям. В течение 25-ти лет ведет он страннический образ жизни, пишет философские сочинения, трактаты, притчи, занимается переводами. Все это не печаталось при жизни мыслителя, но труды его уже в списках получили широкое распространение среди почитателей его взглядов.

Сочинения Г.Сковороды буквально пронизаны необычными для его времени и окружения утверждениями. Сходство основных направлений мировоззрения философа с Учением Живой Этики прослеживается в его взглядах на строение Вселенной, непрерывности жизни, назначение сердца как средоточия духовной жизни, на земное предназначение человека и пути эволюции. Опережая свое время, Григорий Сковорода стремился одарить всех теми сокровищами, которые познал сам. Примем же эти сокровища с великой благодарностью мудрому и любвиобильному просветителю, сумевшему «стяжать Дух святой», будучи во плоти.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Григорий Сковорода – великий украинский философ-гуманист и просветитель, выдающийся поэт XVIII века, внесший огромный вклад в развитие философской мысли украинского и русского народов. Он олицетворяет в себе давнюю традицию философского мышления этих народов, ее единство с живой мудростью трудящихся масс, их надеждами и стремлениями. С высот современной исторической эпохи в жизни русского и украинского народов, идейное и культурное наследие Сковороды приобрело новое освещение, в котором выразительнее, чем когда-либо раньше, выступают черты, соединяющие народную демократическую культуру прошлого с современными задачами революционного преобразования мира.

Григорий Саввич Сковорода родился 3 декабря 1722 года в селе Чернухи Лубенского полка на Полтавщине в семье малоземельного казака. Получив начальное образование в сельской школе в Чернухах, Сковорода поступил в Киево-Могилянскую академию. Прямых документов о времени обучения Сковороды нет. До недавних пор считалась единственно правильной хронологическая канва, опиравшаяся на исследования Н.И.Петрова. (Н.И.Петров. «Первый малороссийский период жизни и научного философского развития Григория Саввича Сковороды». – «Труды Киевской духовной академии», 1902, т. 3; «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. С введением и примечаниями Н.И.Петрова», т. 1. Киев, 1904.) Согласно его выводам, Сковорода поступил в академию в 1738 году, где обучался до 1750 года с перерывом в 1742-1744 годах (когда Сковорода пребывал в придворной капелле в Петербурге). Затем, в 1750-1753 годах, он

находился в Венгрии, а после возвращения в 1753 году преподавал в Переяславской семинарии.

Л.Е.Махновец подверг критической проверке данные Н.И.Петрова, используя дополнительные архивные документы и новые публикации. В результате этого были уточнены даты жизни Сковороды с 1734 по 1755 год. По данным Л.Е.Махновца, Сковорода поступил в академию в 1734 году в возрасте 12 лет и первый раз учился там до декабря 1741 года, затем он отправился в Петербург. Возвратившись из придворной хоровой капеллы в 1744 году, Сковорода обучался в академии до августа 1745 года, когда вместе с миссией генерала Вишневого выехал в Венгрию, где находился до октября 1750 года. По возвращении из-за границы Сковорода преподавал поэтику в Переяславской семинарии в 1750-1751 учебном году.

В 1751-1753 годах Сковорода вновь и в последний раз оказался в академии, обучаясь в классах богословия. Отсюда он как лучший студент был рекомендован митрополитом Т.Щербацким домашним учителем к одному из богатейших помещиков Переяславщины – С.Томаре. В имении Томары в селе Коврай Сковорода, с перерывом в 1755 году, находился до лета 1759 года. С 1759 года он работал в должности преподавателя Харьковского коллегиума, но из-за своего вольнодумства и недоброжелательства наставников коллегиума снова вынужден был оставить педагогическую деятельность. Последний раз Сковорода был приглашен на преподавательскую работу в 1768 году: он прочел курс лекций по этике в Дополнительных классах при Харьковском коллегиуме. Но поскольку просветительская концепция морали Сковороды не совпадала с официально-церковной, то в 1769 году он был уволен с должности и лишен возможности заниматься педагогической деятельностью, для которой у него были и способности, и соответствующие знания. Григорий Сковорода все же нашел способ быть полезным своему народу.

Последние 25 лет своей жизни он странствовал по Украине, проповедуя среди народа свое философское учение. Как раз в 70-80-х годах Сковорода и создает основные философские диалоги, трактаты и притчи. Умер он 9 ноября 1794 года в селе Ивановка (ныне село Сковородиновка Золочевского района Харьковской области).

Нельзя ответить на вопрос, что представляет собой Сковорода как мыслитель и писатель, не осветив эпоху, в которую он жил и творил.

Жизнь и деятельность Сковороды протекают в XVIII веке и связаны с теми социально-экономическими и культурными процессами, которые характеризуют жизнь Восточной Украины и Российского государства этой поры. В середине XVIII века в России и на Украине, входившей в состав России, завершается развитие феодально-крепостнического хозяйственного уклада и интенсивно развиваются капиталистические отношения. Социально-экономическое развитие Украины XVIII века шло по пути возрастания товарно-денежных отношений, расширения внутренних и внешних рынков, что сопровождалось резким усилением эксплуатации крестьянства и малоземельного казачества, ухудшением материального положения городских ремесленников. На базе эксплуатации и постоянного

закабаления трудящихся происходило дальнейшее обогащение светских и церковных феодалов, купцов, казацких старшин. Расцветало ростовщичество, в административных учреждениях – взяточничество и беззаконие. Законодательство стало выражением интересов новых господствующих классов, отстаивающих свои привилегии.

С середины XVIII века царизм особенно усиливает свою колонизаторскую политику социального и национального закабаления Украины. На Левобережной Украине Екатерина II в 1764 году заменила номинальную гетманскую власть так называемой Малороссийской коллегией, поставив во главе ее К.Разумовского. А через десять лет указом от 3 августа 1775 года Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь, присоединив ее земли к Новороссийской губернии. Еще через несколько лет (в 1782 году) на Левобережье и Слободской Украине было окончательно введено крепостное право. Вместо традиционных полков были созданы наместничества – Киевское, Черниговское, Новгород-Северское, а позже Харьковское и Екатеринославское.

Во второй половине XVIII века особенно широкий размах приобретает антифеодальная борьба. В период формирования философских взглядов Сковороды, в 60-е годы, на Правобережной Украине достигло своей наивысшей силы гайдамацкое движение, явившееся выражением борьбы народа против феодально-крепостнического и национально-религиозного угнетения со стороны польской шляхты. Эхо гайдаматчины доносилось и до Левобережья, где жил Сковорода. В 1773–1774 годах произошло Пугачевское восстание, получившее отклик и на Украине. Все эти события совершались на глазах у Сковороды и оказали непосредственное влияние на формирование его идей. Отзвуки их отчетливо слышны в письмах Сковороды и сочинениях периода формирования его мировоззрения.

Обстоятельства жизни благоприятствовали студенту Киево-Могилянской академии в познании жизни. В течение двух лет он жил в Петербурге, где имел возможность ближе познакомиться с передовой русской культурой и вместе с тем познать растленные нравы царского двора, что явилось причиной ухода его из придворной капеллы.

Встретился Сковорода и с унижением со стороны переяславского помещика С.Томары, в имени которого работал учителем, и со стороны переяславского православного епископа-мракобеса Никодима Сребницкого во время преподавания в Переяславской церковной семинарии. Но особенно колоритной фигурой, сполна представлявшей ненавистный Сковороде мир, был белгородский епископ-феодал П.Крайский, которому был подчинен Харьковский коллегиум. После смерти в 1768 году этого «духовного пастыря», как свидетельствует посмертная опись его имущества, осталось «десять запометованных мешочков, находившихся в подголовке», золота и да серебра, множество других ценностей и большое количество «питий и ядей разных».*

*См. А.С.Лебедев. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности по архивным документам, Харьков, 1902, стр. 152-153.

И в то же время этот епископ всячески оттягивал открытие дополнительных классов, ссылаясь на отсутствие средств. Не лучшим был и бывший одноклассник Сковороды по академии – тщеславный карьерист епископ Самуил Миславский. Сковорода видел вокруг себя жестоких помещиков и церковных феодалов, проникнутых жаждой обогащения и стремлением к политическому господству.

Украинская казацкая старшина, противопоставляя себя рядовому казачеству, перестраивала свои имения, заводила новые наряды, ориентируясь на русских дворян. Не меньшее отвращение вызывали у Сковороды и «Федька-купец», который «при аршине все лжёт», и ростовщик, который в процентах «загруз», и крючкотворец-юрист, который права и законы направляет «на свой тон», как ему заблагорассудится.

Но особенно омерзительную картину представляла собой жизнь православного духовенства. Всякий раз убеждался Сковорода, что жлобизм, сластолюбивые и лицемерные церковные «пастыри» часто превосходят в разврате и корыстолюбии свою светскую паству. Жизнь этих общественных церковно-православных слоев, владеющих поместьями, должностями, политически и духовно угнетающих трудящихся, представляла собой мерзкий мир, принять который Сковорода не желал. Господствующая украинская верхушка, успевшая утратить идеалы освободительной войны 1648-1654 гг., переживала процесс перерождения в новоиспеченных дворян. Если некоторые украинские представители и сохраняли еще какую-то оппозиционность, то верхушка направилась, прежде всего, на завоевание для себя одинаковых прав с русским дворянством. В основном же это были тупые невежды, у которых высшие духовные интересы вытеснены жаждой обогащения, коллекционирования ценностей, произведений искусства и т.п. с целью политического самоутверждения. Имея в виду жизнь высших слоев украинского общества, Иван Франко называет этот период периодом упадка, духовного кризиса.

Как мыслитель, осознавший свое отрицательное отношение к миру, погрязшему в корыстолюбии, Сковорода ставит перед собой вопрос о поисках способов борьбы с ним. Но в тех исторических условиях действительно не было реальных сил, которые могли бы установить справедливый государственный строй, воплощающий стремления народа и его моральный идеал. Осознание безысходности ситуации, наблюдения над разрастанием несправедливости и зла, упадком высоких духовных ценностей на фоне всеобщего обоготворения материальной наживы способствуют зарождению у Сковороды учения, в котором центр тяжести с критики политических отношений и борьбы за их коренное переустройство переносится в сферу морального просвещения.

Во времена Сковороды украинская культура уже имела значительные просветительские традиции, развитые прогрессивными деятелями Киево-Могилянской академии, в которой учился и школу которой прошел выдающийся философ-просветитель. Но собственные взгляды Сковороды, его учение нельзя вывести из философских и просветительских идей его предшественников. Они явно отличаются как от классического буржуазного,

так и от тогдашнего дворянского просветительства, имевшего распространение в России и на Украине. Социальная почва для развития последнего на Украине была весьма скудной. Трансформация казацкой старшины в дворянство в то время еще не завершилась. Социально-экономической основой ее был, с одной стороны, процесс закрепощения до того времени свободных казацко-крестьянских масс, превращение казацких старшин в обычных крепостников, поглощенных борьбой за дворянские привилегии, а с другой стороны, – процесс первоначального капиталистического накопления, расслоение крестьянства, сосредоточение богатства в руках казацко-старшинской верхушки.

Своеобразие исторической ситуации на Левобережной Украине в то время состояло в том, что первоначальное капиталистическое накопление, интенсивно происходившее после освобождения от польско-шляхетского крепостнического гнета, вскоре вновь наткнулось на введение царского крепостного права, создавая вместе с тем экономические условия для превращения разбогатевшей казацко-старшинской верхушки в крепостников. В сознании трудящихся, казацко-крестьянских низов, оба этих процесса – и первоначальное накопление с порожденной им властью богатства, и дальнейшее закрепощение – воспринимались как всеобщее бедствие, как приход тяжелых времен в противовес славному прошлому. На Правобережье, на захваченных королевской Польшей землях, где крепостнический гнет дополнялся невыносимым национальным угнетением и где традиции освободительной борьбы были сильнее, это общее ухудшение условий жизни трудящихся вызвало гайдамацкое движение, коливщину. На Левобережье, где с помощью царизма установила свое господство казацко-старшинская верхушка, социальный протест приобрел пока что пассивные формы, в основном в виде морального осуждения стяжательства погони за богатством и привилегиями.

По классовой направленности своих взглядов Сковорода – крестьянский просветитель. В отличие от буржуазных просветителей он решительно осуждает не только феодальные оковы, но и социальный гнет буржуазных отношений. Ему органически чуждо воспевание собственнического интереса как движущей силы человеческих поступков, свойственное буржуазным просветителям, сведение человеческой «природы» к своекорыстию, к собственническим мотивам поведения. Сковорода восстает против социального отчуждения человека, и прежде всего против власти вещей, богатства, накопительства. Он выступает в защиту свободного влечения человека к соответствующему его склонностям «сродному» труду. Все, что разрушает эту жизнь, Сковорода воспринимает как враждебный мир, несообразный человеку и его истинной природе. В понятии этого враждебного мира он обобщает и феодально-крепостнические, и буржуазно-собственнические отношения, но в первую очередь последние. Мир, в котором господствуют буржуазно-собственнические отношения, – это мир морального растления, власти вещей, корыстолюбия, алчности, разврата, духовной опустошенности.

Григорий Сковорода, родившийся и воспитанный в трудовой казацко-крестьянской семье на Полтавщине и всегда тяготевший к этой социальной среде, о чем свидетельствует и его жизненный путь, и его социальное кредо («а мой жребий с голяками»), противоречиво отразил в своем творчестве протест крестьянских низов против социальных порождений первоначального капиталистического накопления и все возраставшего феодально-крепостнического гнета.

В сознании народа образ Сковороды связан с обычным для того времени портретом странствующего дьяка-философа, но презрение к сильным мира сего, протест против несправедливости и зла, осуждение богатства и наживы, духовная независимость создали Сковороде в народе славу великого философа. Его песни уже в XVIII веке вошли в репертуар кобзарей, где бытовали до начала XX века. Народным певцам был близок образ жизни и деятельности Сковороды. Ф.Лубяновский, встречавший Сковороду в последние годы, пишет: «Страсть его была жить в крестьянском кругу; любил он переходить из слободы в слободу, из села в село, из хутора в хутор; везде и всеми был встречаем и провожаем до обаченья с любовью, у всех был он свой... Хозяин дома, куда он входил, прежде всего всматривался, не нужно ли было что-либо поправить, прочистить, переменить в его одеянии и обуви: все то немедленно и делалось. Жители тех особенно слобод и хуторов, где он чаще и долее оставался, любили его как родного. Он отдавал им все, что имел: не золото и серебро, а добрые советы, увещевания, наставления, дружеские попреки за несогласия, неправду, нетрезвость, недобросовестность...»*

*Ф. П. Лубяновский. Воспоминания, т.1. Киев. 1872г. с.106-107.

Сковорода был желанным гостем у простых людей, у которых находил приют, еду и доброжелательное отношение. Скитания по Украине давали ему богатейший материал для критики социальной несправедливости. В его учении заметно отразились противоречия крестьянского движения того времени, переживания и настроения трудового народа, моральная чистота его идеалов и устремлений. Сковорода резко осуждал погоню за наживой, чинами, богатством, он осуждал эпоху, принесшую с собой оскудение духа, упадок высоких моральных ценностей.

У современников и потомков вызывала удивление и изумление необычность судьбы Сковороды на фоне социальной жизни Украины XVIII века. Бескомпромиссность в отстаивании своих идей, независимое жизненное поведение, вольнолюбивый казацкий нрав сочетались в нем с беспечным отношением к материальным ценностям, к богатству.

Поражает многосторонняя одаренность Григория Сковороды: глубокий ум, феноменальная память, поэтические способности, исключительный музыкальный слух и голос, развитые благодаря полученному образованию. Он пишет стихи и сочиняет музыку, искусно играет на нескольких музыкальных инструментах, проявляет способность к рисованию. Он выступает как оригинальный поэт и прозаик. И главное, создает свои философские произведения: четырнадцать диалогов, пять трактатов, переводы произведений Цицерона, Плутарха и др. Наследие Сковороды

является огромным вкладом в сокровищницу не только украинской и русской, но и всемирной культуры.

Сковорода принадлежит к когорте мыслителей, образ жизни которых во многом гармонирует с их учением. Очевидно, именно эта черта Сковороды так нравилась Льву Толстому, страдавшему из-за явной дисгармонии между собственным учением и бессилием порвать с дворянской жизнью, не соответствовавшей его идеалам.

В течение всей жизни Сковорода последовательно избегал всего, что могло бы поработить его дух, волю к постоянному самосовершенствованию. Он просил написать на его могиле: «Мир ловил меня, но не поймал». Григорий Сковорода не пожелал перейти на сторону торгующих классов, он остался с народом, к которому принадлежал по рождению, стремления которого выражал. Избрав свой жребий, он никогда не проявлял желания жить лучше, а воспитывал в себе стремление быть лучше, неприхотливость в удовлетворении материальных потребностей. Он жил стремлением к духовному самосовершенствованию, достижению вершин человеческого духа, доступных воспетому им «истинному человеку». Биография Сковороды – увлекательнейшая страница борьбы с суетными авторитетами, пример мужественного служения народу. Его имя напоминает о бессмертных образах народных правдолюбцев.

В мировоззрении и творческой деятельности Сковороды следует выделить два периода: литературный (50-60-е годы) и собственно философский (70-80-е годы). Остановимся вкратце на характеристике идейного содержания его художественного наследия. Оно объединяет около пятидесяти песен и стихотворений. Тридцать из них Сковорода включил в сборник под названием «Сад божественных песен». При этом ряд песен сопровождается философскими комментариями. Часть песен, сохранившаяся отдельно от названного сборника, написана на латинском языке. Кроме того, около тридцати латинских стихотворений, песен, эпиграмм содержится в письмах Сковороды к М.Ковалинскому.

Как писатель-прозаик Сковорода создал цикл басен, объединенных под общим названием «Басни Харьковские». Значительный литературный интерес представляет собой латинская эпистолярная и переводы античных мыслителей.

Уже в поэтическом творчестве обнаруживается тяга Сковороды к философской проблематике: он выступает как поэт, который идейно-эмоциональную оценку изображаемых явлений сопровождает морально-этической. В значительной части этих стихов-песен философские размышления получают эмоционально-образное воплощение. Эстетически-художественное содержание неотделимо в них от философского и наоборот. Стихотворения свидетельствуют об огромном поэтическом таланте Сковороды.

Тематика и образы его песен, псалмов и эпиграмм связаны с традициями XVII-XVIII веков, но вместе с тем в них звучат новые, неизвестные раньше поэтические тенденции и мотивы.

Одной из наиболее важных тем поэзии Сковороды является тема свободы, звучащая прежде всего в песне «De libertate», посвященной Богдану Хмельницкому. Песня представляет значительный интерес как для историка литературы, так и для историка философской мысли.

Критика зла соединяется в его стихотворениях с анти-урбанистическими мотивами, четко звучащими в ряде песен. Слова одной из них: «Не войду в город богатый – я буду на полях жить» – не поэтическая фигура, а действительный мотив, отразившийся в ряде стихов. Обо всем, что вносит город в жизнь человека, поэт пишет с неприязнью. С городом он связывает «печаль духа», постоянное беспокойство сердца, неугасимую жажду «ездить за море», стремление к богатству, тщеславие и властолюбие.

Жизни городов с их неусыпностью, кипением страстей и желаний он противопоставляет поэзию тихих полей, зеленых рощ, настроение беспечного путешественника, удовлетворенного собой и довольного тем, что у него есть. В противовес морали, основанной на богатстве, золоте и власти, Сковорода прославляет человека «малых желаний» и ограниченных материальных потребностей. Этим пафосом проникнута глубоко лирическая, близкая к фольклорным мотивам песня «Ой ты, птичко, желтобоко». В песне Сковорода провозглашает свой жизненный идеал: призыв к птичке – «не клади гнезда высоко» – это призыв Сковороды не искать счастья в богатстве и чинах. Идеал поэта не явор, стоящий на горе, которому «буйные ветры ломают руки», а верба, низко шумящая над водой. Связь этих песен с народно-песенной традицией содействовала тому, что они вскоре после смерти автора вошли в песенники наряду с народными.

Вершиной поэтического творчества Сковороды является знаменитая 10-я песня «Всякому городу нрав и права». Нигде у него не найти более точных и конкретных образов и картин живой действительности, более острой постановки животрепещущих вопросов современной ему жизни. Сатирический пафос ее направлен против социальных порядков второй половины XVIII века.

Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак...

Как ни конкретно звучат эти строки, за ними все же не трудно заметить осуждение всеобщей материальной устремленности украинского панства, пренебрегшего высшими духовными порывами и поправшего истинные человеческие идеалы. В этом произведении можно легко узнать современников Сковороды из разных слоев общества.

Осуждение эксплуататорского общества, так сильно прозвучавшее в песне, соответствовало настроениям, чувствам народных масс. В этом следует искать одну из главных причин того, что песня была подхвачена народом. Близкая широким кругам читателей своим содержанием и формой, эта песня, синтезировавшая книжные фольклорные художественные традиции, породила многочисленные подражания различного характера. Уже в 50-60-е годы в стихах и песнях Сковороды находят эстетическое

выражение те морально-этические идеалы, которые впоследствии озарили не только его жизнь, но и всю его последующую деятельность. Свободная жизнь в согласии с природой – основная тема поэтических размышлений Сковороды, она связывает его песни с будущими философскими исканиями. Сковорода подчеркивает, что утрата воли, погоня за золотом и богатством не приносят счастья, а, наоборот, являются причиной подлинного несчастья.

Лирическим пафосом проникнуты произведения, в которых поэт воспекает так называемые вечные темы: жизнь и смерть, счастье и судьбу. Эти темы, как известно, составляют основу народных песен и дум. Идея разумной жизни и моральной чистоты определяет мотивы очень многих произведений Сковороды. Представление об «истинной жизни» связывается, поэтом с «чистой совестью».

«Чистая совесть», «чистое сердце» – идеал для человека типа Сковороды: человек с чистой совестью не знает страха смерти. По мнению поэта, ценность человеческой жизни, подобно песне, измеряется не долготой, а честностью. Ибо ведь «лучше час честно жить, чем скверно целый день». Счастье у Сковороды не связано со своекорыстными страстями, волновавшими современных ему панов; капиталы, земли, дома, состояния, честолюбие – все это не имело для него ни смысла, ни цели.

Определенное звено между поэзией и повествовательной прозой составляют философские оды и сюжетные фабулы – басни, написанные частично на античные сюжеты, например басня о Фалесе и старухе, о Тантале, «Разговор о премудрости».

В некоторых латинских стихотворениях, написанных в 50-60-е годы, Сковорода делает попытку развить идею «двух натур», которую он впоследствии развернул в философских диалогах 70-х годов. Таковы стихотворения «О призрачном удовольствии» («De umbratica voluptate») и «О святой вечере, или вечности» («De sacra caena seu aeternitate»).

В своих стихотворениях Сковорода развил и обогатил традиционные поэтические мотивы XVII-XVIII веков, усилив в них благодаря привнесению индивидуально-личностного начала лирическую струю. Некоторые мотивы, выраженные им, как бы предваряют настроения поэтов-романтиков, что дает повод исследователям видеть в Сковороде-поэте одного из представителей предромантизма.

Велики заслуги Сковороды и в развитии украинской художественной прозы. Он создал сборник «Басни Харьковские», состоящий из тридцати произведений, в которых, с одной стороны, продолжает традиционную тематику своих предшественников, с другой – выступает как новатор, расширяющий идейно-тематические горизонты данного жанра и выводящий его на путь самостоятельного развития.

В баснях Сковороды восхваляются дружба, любовь, разум и другие положительные человеческие черты. Сковорода показывает, что настоящая ценность человека определяется не одеждой, не внешней красотой, богатством, происхождением, титулами, чинами, должностями, то есть не внешними, а внутренними качествами. Эти качества – разум, знание, трудолюбие, честность и справедливость, проявляющиеся в делах человека.

Идейное содержание «Басен Харьковских» определяется постановкой актуальных социально-этических проблем и решением их с позиций гуманизма. Здесь Сковорода излагает основные философские положения еще до того, как они нашли обоснование в философских диалогах и трактатах. В частности, тематика басен во многом предваряет диалоги о душевном спокойствии и счастье. Остановимся на тематике лишь тех басен, содержание которых непосредственно связано с философской проблематикой. Прежде всего, в ряде басен Сковорода стремится ответить на вопрос: в чем состоит истинная сущность человека?

Знаменательно, что именно в баснях впервые громко прозвучала тема «сродного труда» – труда, основанного на познании человеком своих природных склонностей и способностей и развитии их с целью достижения в труде общественной пользы и личного счастья каждым человеком. Сковорода высоко ценит стремление человека к «сродному труду». Только такой труд, по его мнению, способствует достижению единства частных интересов отдельного человека с интересами общества. Соответственно «несродный труд» является источником несправедливости и угнетения сильными слабыми. Сковорода резко критикует стремление господствующих классов к получению прибыльных мест, чинов, вскрывает несоответствие господствующих порядков «закону сродности». Господство «несродного труда» и является, согласно Сковороде, одним из источников страдания и несчастья людей. Баснописец-философ убедительно показывает, что труд приносит наслаждение человеку не только своими результатами, но и самим процессом. В этом отношении он ставит вопрос о труде как источнике земного счастья человека, его «духовного веселья». «Должность наша есть источник увеселения», – пишет Сковорода. Эти идеи составляют лейтмотив всего сборника басен, и в особенности таких, как «Оселка и нож», «Колеса часовые», «Жаворонки», «Собака и Кобыла». Много внимания уделяет Сковорода характеристике деятельности, значению обучения, практики, опыта, привычки для реализации природных наклонностей.

Наконец, концепция «сродного труда», переосмысленная с точки зрения критики стремления господствующих классов к богатству, роскоши и паразитической жизни, в баснях выражается в утверждении принципа «равного неравенства» («Муравей и Свинья», «Крот и Лис»). Суть этого принципа состоит в признании законными и естественными только тех потребностей и стремлений, которые соответствуют природному различию людей, а не социальному.

Наибольший интерес представляют басни, в которых обличаются социальное зло и моральные пороки современников. Баснописец разоблачает тлетворность, таящуюся в честолюбии, «сластолюбии» и стремлении к богатству, раскрывает бессмысленность и ненадежность богатства, напоминает, что «самые беднейшие рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов» и что «многое множество богачей всякий день преобразуется в нищих». Особенно интересна с этой точки зрения басня «Жабы». Она показывает, что стремление к богатству связано с опасностями и тяготами, не приносящими счастья, приводящими к

утрате человеком внутренней свободы. Среди басен Сковороды есть несколько ярко сатирических, направленных против ненасытности обжорливого панства, его погони за славой и чинами. Наиболее выразительно эта критика звучит в басне «Оленица и Кабан». Здесь, продолжая мысль о том, что достоинство человека определяется не внешними, а внутренними качествами, Сковорода высказывает свое отрицательное отношение к стремлениям казацко-старшинской верхушки. Он утверждает, что не родом, не титулами, не чинами и не поместьями определяется достоинство человека, а его делами.

Таким образом, идейно-эстетическое содержание «Басен Харьковских» позволяет охарактеризовать не только эстетическую, но и философско-этическую позицию Сковороды, его гуманистическую концепцию. Имея огромное самостоятельное художественное значение, басни вместе с тем являются важным этапом на пути философского развития мыслителя. Своим идейным содержанием, постановкой и решением философско-этических проблем они органически примыкают к его философскому творчеству.

В особенности это заметно во второй половине Харьковского цикла, где эмоционально-эстетические задачи явно уступают место рационально-логическому осмыслению, вследствие чего возрастает «мораль» («сила»), часто в несколько раз превышающая сюжетную фабулу басни.

Сам факт создания первого на Украине сборника басен, утверждения самостоятельности этого жанра является знаменательным явлением. Этот факт отражал новые тенденции в развитии эстетического сознания, новые потребности в развитии литературных жанров как способа дальнейшего эстетического освоения действительности.

Как ни значительно литературное творчество Сковороды, но в историю отечественной культуры он вошел прежде всего как выдающийся мыслитель, завершивший длительный исторический период в развитии профессиональной философии на Украине. Эта философия развивалась не на голом месте, а была результатом творческого использования достижений мировой философской мысли.

Сковорода глубоко изучал произведения близких ему философов, брал на вооружение те или другие философские и морально-этические идеи, превращая их в исходные пункты разработки собственного учения. Поэтому не удивительно, что идеи, вокруг которых сосредоточены его поиски, встречаются в произведениях философов античности, средневековья, Возрождения и его предшественников из Киево-Могилянской академии.

В произведениях Сковороды мы находим ссылки на изречения многих греческих и римских философов. Чаще всего Сковорода апеллирует к высказываниям по морально-этическим вопросам представителей таких философских школ, как пифагорейцы, киники, киренаики, стоики, скептики. В решении морально-этических проблем для него авторитетами выступают Пифагор, Диоген, Сократ, Эпикур, Плутарх, Сенека. При разработке гносеологических основ своего морально-этического учения Сковорода часто обращался к Аристотелю и Платону.

Исключительные познания Сковороды в области античной философии и критическое использование ее положений при создании собственного учения свидетельствуют, что это учение возникло не в стороне от развития мировой истории философии. Из позднейших философских сочинений Сковорода, очевидно, хорошо знал «Ареопагитики». У нас нет прямых доказательств знакомства Сковороды с произведениями Джордано Бруно, Николая Кузанского, но связь учения мыслителя с основными идеями этих философов достаточно очевидна. Сказанное в определенной мере касается и связи взглядов Сковороды с пантеизмом Спинозы, идеями Хр.Вольфа и некоторых других философов, изучение которых входило в философский курс академии. На формирование пантеистических представлений Сковороды оказала влияние многовековая борьба между опошленным теологами и схоластицированным аристотелизмом и платонизмом. Причем платонизм у Сковороды нередко сочетался с пантеизмом. Известно, что, с тех пор как фальсифицированный Аристотель был превращен в знамя христианской ортодоксии, оппозиционные учения все чаще обращались к неоплатонизму. Это нашло отражение и во взглядах Сковороды.

Когда в историко-философской литературе идет речь о «символическом мире» и его месте в системе взглядов Сковороды, обычно пишут только о Библии, поскольку о ней чаще всего напоминает сам философ. Но произведения его показывают, что в этом «символическом мире» он отводит значительное место и «библии» языческой – мифологии.

Мифология так же интересует Сковороду, как способ распознавания человеком внутреннего закона, господствующего над каждым бытием. Это уравнение Библии с мифологией, рассмотрение их как своеобразных притч, обобщающих накопленный человечеством познавательный и моральный опыт, – весьма характерная черта мировосприятия и миропонимания Сковороды.

Мировоззрение мыслителя тесно связано с народной мудростью. В частности, поговорки, пословицы, песенные и сказочные мотивы оказали большое влияние на его формирование. Тот факт, что Сковорода почти в каждом из своих произведений ссылается на мудрость украинских, русских, латинских пословиц, свидетельствует не только о его хорошем знании фольклора, но и о том, что свое философское учение он стремится укрепить «здравым смыслом» народа, его громадным духовно-практическим опытом.

Говоря о формировании мировоззрения Сковороды, необходимо сказать и о естествознании как одном из его теоретических источников. Как раз в этом вопросе еще сохранилось немало спорных, недостаточно аргументированных и даже ошибочных утверждений. Философ, прошедший курс наук в Киево-Могилянской академии, имел возможность усвоить все основные научные идеи, преподававшиеся в лекционных курсах. Кроме этого Сковорода самостоятельно продолжал свое образование. Именно последнее позволило ему занять совершенно четкую позицию в отношении учения Н.Коперника, ясно увидеть огромнейшие успехи человечества в науке и технике. в познании Вселенной. В трактате «Икона Алкивиадская»

Сковорода, опровергая библейскую легенду о сотворении мира, присоединяется к мнению современной ему науки о множестве миров. Он замечает при этом, что «каждого мира машина имеет свое, с плывущими в нем планетами, небо». В его произведениях находим мы немало подтверждений признания и восхищения успехами науки и техники.

Мировоззрение и содержание философии Сковороды имеет тесную связь с традициями украинской и русской культуры и философии XVII – первой половины XVIII века. Прежде всего, нельзя не обратить внимания на созвучие основных морально-этических идей Сковороды с идейным содержанием украинской литературы предшествующего периода. Это такие идеи, как самопознание, призыв к добродетели, осуждение порочности материальных стремлений и тленной роскоши жизни, проповедь полуаскетического идеала, составлявших лейтмотив виршевой поэзии, церковных проповедей и философско-богословских трактатов таких деятелей, как К.Транквиллион-Ставровецкий, П.Могила, И.Гизель, С.Полоцкий, И. Галятовский, А.Радивиловский. Кроме собственно идейного содержания, Сковороду привлекали общие тенденции в их стиле. Этико-гуманистическая традиция, наиболее крупным представителем которой и является Г.Сковорода, сложилась постепенно на стыке творческого взаимодействия художественной литературы и философского знания. Помимо названных, здесь следует упомянуть воспитанника Киево-Могилянской академии Д.Туптало (Ростовского), некоторые идеи которого предваряют учение Сковороды.

В своих симпатиях Сковорода отдает предпочтение традициям второй половины XVII века. В XVIII веке философская мысль в академии развивается под заметным влиянием идей, выдвинутых Ф.Прокоповичем. Политическое учение Ф.Прокоповича, направленное на укрепление самодержавной власти, было неприемлемым для Сковороды, тогда как в области этики он во многом опирается на взгляды Прокоповича. Однако есть основания утверждать, что здесь он значительно больше обязан своим современникам и учителям – В.Лащевскому, Г.Конисскому и М.Козачинскому. Свое отношение к Прокоповичу и Лащевскому Сковорода высказывает, используя мотивы их литературных произведений. Этические идеи Конисского и Козачинского, очевидно, оказали, непосредственное влияние на формирование концепции Сковороды. Эта близость обнаруживается в двух очень существенных моментах, а именно: в положительном отношении к этическому учению Эпикура и в утверждении возможности достичь счастливой жизни на земле. Но известно, что этика как философская дисциплина не занимала существенного места в преподавании в академии, и перенесение центра внимания на разработку морально-этической проблематики следует отнести к инициативе Сковороды, философия которого отражает стремление отыскать путь к счастью для социально угнетенных слоев трудящихся.

В своем философском развитии Сковорода проходит определенную эволюцию, связанную как с внутренними психологическими причинами, так и с преодолением трудностей теоретического характера. От морализаторских

идей он движется в направлении обоснования цельного этического учения, в центре которого находятся идеи счастья и единства человека и природы. Параллельно с этим он ищет онтологическое и гносеологическое обоснование своего философско-этического учения. Философской основой его учения является концепция «двух натур», которая развивается им в диалогах 70-х годов и находит точную и четкую формулировку в трактате «Икона Алкивиадская». Поскольку, по убеждению Сковороды, все философские проблемы наиболее ярко проявляются в человеке, то на его примере он и решает их, считая, что самопознание дает ключ ко всем онтологическим, гносеологическим и морально-этическим задачам. Все существующее, по мнению мыслителя, обладает двумя «натурами»: видимой, доступной ощущениям, и невидимой, внутренней, доступной интеллектуальному созерцанию. Сковорода уделяет много внимания характеристике «видимой природы», или материи, ее разнообразнейших проявлений и свойств, но постоянство и определенность последних обуславливаются у него «природой» невидимой. Это означает, что материи (внешней «природе») противостоит форма («природа» невидимая). Подобная мысль в известной мере выражена, например, у Спинозы в положении о «природе творящей» и «природе сотворенной».

Форма, или идея, согласно Сковороде, не предшествует материи во времени, но, являясь первоосновой материи, она определяет ее развитие: рождение, становление, расцвет, отмирание, переход из одного состояния в другое. Вечная по своей сущности духовная форма обуславливает вечность и неуничтожимость материи. Это положение о вечности материи во времени (*materia aeterna*) занимает важное место в философской концепции Сковороды, так же как и утверждение о беспредельности ее в Пространстве. Философ четко проводит мысль о том, что «одной вещи гибель рождает тварь другую», что «всемирный мир сей» вечный, что «мир в мире есть то вечность в тлени, то жизнь в смерти, восстание во сне, свет во тьме, во лжи истина, в плаче радость, в отчаянии надежда». То же он говорит и о беспредельности мира в пространстве: «Если ж мне скажешь, что внешний мир сей в каких-то местах и временах кончится, имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиречь начинается», ибо «одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда же зачинается цыпленок, когда портится яйцо».

Не раз возвращаясь к обоснованию идеи двух натур, Сковорода наиболее четко и однозначно формулирует ее в своем последнем произведении «Потоп Змиин», указывая при этом, с какими именно положениями философской мысли прошлого он ее связывает. Учение о двух натурах восходит к античной философии, где оно выражалось в понятиях «материя» и «форма», в частности у Платона и Аристотеля. Сковорода пишет:

«Все три мира состоят из двух едино составляющих естеств, называемых материя и форма. Сии формы у Платона называются идеи, сиречь видения, виды, образы. Они суть первородные миры нерукотворенные, тайные

веревки, переходящую сень, или материю, содержащие». «Видимая натура называется тварь, а невидимая – бог».

Бог, по утверждению Сковороды, и является тем началом, которое составляет первооснову всего существующего, его внутреннюю необходимость, закономерную причину, постоянство и определенность природы вещей.

Такое понимание Бога приводит Сковороду на позиции пантеистического объяснения природы. Бог как начало и первооснова Сущего («высшая всех причин причина и резон») олицетворяет единство всех возможных миров. И поэтому Сковорода категорически отрицает мысль как о возможности каких-то двух или больше «начал» мира, двух Богов, так и мысль о признании Богом самой Материи.

«Бог», «начало», «истина» составляют внутреннюю пружину развертывания мира в разнообразную картину развития живого и неживого. Поэтому очень часто Сковорода называет Бога истинной натурой, являющейся носителем существенных характеристик того или иного явления. Это означает, что философ снимает вопрос о Боге как о каком-то сверхъестественном существе, руководящем миром на основе безграничного своеволия.

Принципиальным свойством Бога как субстанции и субстрата природы является соответствие законам развития, проявляющимся в определенности развития материи. Отсюда Сковорода приходит к полному отрицанию чудес, играющих, как известно, важную роль в христианском учении. Этим самым Сковорода поставил себя в оппозицию по отношению к церкви. Он подверг критике религиозную ортодоксию, что вызвало враждебное отношение к нему невежественных православных и католических церковников. Сковорода осознавал свое положение, понимали это и церковники, враждебно относившиеся к нему. С указанных выше позиций Сковорода подходил и к вопросу о возникновении мира, выразив при этом категорическое неприятие библейской легенды о сотворении мира неким «богом» в течение шести дней. Философ утверждал, что разговор о сотворении мира не имеет отношения к Вселенной, а касается источников прозрения духовного начала в вещах.

Вопрос о Боге как начале является одним из основных пунктов философствования Сковороды. Если «вся тварь рождается и исчезает», значит «нечто прежде нее было и после нее остается»; начало же есть то, что «прежде себя ничего не имело», ибо оно вечно и «все в неограниченных своих недрах вмещает». Именно начало определяет развитие конечных вещей, которые рождаются и исчезают. В тварях, то есть в материи, находится вечное начало, детерминируя их развитие, внося в них порядок и закономерность перехода из одного состояния в другое. В понимании этих взаимопереходов вещей в свою противоположность у Сковороды мы можем заметить наличие элементов диалектического мышления, во всяком случае, в истолковании процесса отмирания старого и рождения нового в живой природе. Это вечное «начало», по выражению Сковороды, «почти чувствуется», но оно неуловимо и не всем понятно, так как, присутствуя во

всем, не является ни частью, ни целым, не имеет меры, временной и пространственной характеристики. Все это и усложняет познание начала, и в первую очередь его проявления в той части творимой материи, которая сама обладает способностью разума.

Философская позиция Сковороды в вопросе о взаимодействии невидимой и видимой «натур» характеризуется противоречием, неизбежным для представителя идеалистического пантеизма. Мыслитель употребляет понятия «сопряженность», «сопричастность», прибегает к образно-аналогическим объяснениям типа «дерево и тень», «рисунок и краски», но во всех этих случаях не в состоянии окончательно и до конца решить вопрос о вечности существования и субстанциальности материи. Противоречивость Сковороды в данном вопросе заключается в том, что и невидимая натура у него не во всем первична или первична не во времени, а только по значению. Только она в своем существовании определяется сама собой, видимая же «натура» в своем существовании не определяется сама собой, а «натурой» невидимой как тень последней. Бог и материя существуют наряду. Однако невидимая натура всегда первична в гносеологическом, этическом и эстетическом отношениях. Противопоставление двух натур у Сковороды в этическом аспекте своеобразно: невидимая натура – благая натура, и познание ее является источником добродетели, в видимой же «натуре» философ усматривает источник зла и несчастий. В этом плане можно говорить об элементах дуализма Сковороды.

Философия Сковороды отражает историческую тенденцию перехода от объективного идеализма к материалистическому пантеизму и к независимой от религии философии.

В историко-философской литературе были попытки доказать, что и в вопросе толкования субстанции Сковорода противоречив и стоит на позиции дуализма. Такой взгляд не опирается на внимательный анализ произведений философа: Сковорода не рассматривает субстанцию как что-то материальное даже и в тех случаях, когда говорит об определенности в развитии материи. И здесь субстратом развития является идеальная основа. Сковорода считает субстанцией бога, идеальное начало, атрибутами которого являются вечность и невидимость, а признание того, что это начало проявляется в видимых вещах, ничего не меняет. При этом данная субстанция является основой как неживых вещей, так и человека и даже символического мира Библии, поскольку все вещи характеризуются единством этих двух сторон – материальной и идеальной.

Исходя из пантеистического понимания мира и бога как безначального начала, находящегося не вне природы, а «сопряженного» с ней и составляющего ее основу, Сковорода склоняется к телеологическому взгляду на живую природу. В его представлении мир, природа, человек вследствие внутренних законов детерминированы в своем развитии и целенаправлены, поскольку любое развитие является осуществлением содержащейся в вещи цели. Целесообразность живых организмов, животного и растительного миров является для Сковороды доказательством того, что во всем существующем заложены определенные возможности

саморазвития, ограниченные «блаженной» натурой, или богом. И поэтому он не исключает человека, человеческую самодеятельность, творчество, направленные на преобразование природы, из общего детерминированного процесса «природного» развития. Он исходит из того, что задачи и цели, которые сознательно ставят перед собой разумные существа – люди, также не зависят от самих людей, а от рождения определены их физической и духовной природой. Далекий от понимания социальной обусловленности человеческих целей и потребностей, Сковорода не может понять и того, что осуществление их определяется объективной исторической закономерностью. Физическое бытие, историческая действительность, материальная жизнь общества интересуют его лишь постольку, поскольку они являются формой существования невидимой «натуры» – этой самодвижущейся причины всего сущего.

В философии Сковороды получила обоснование идея «трех миров». Поскольку наиболее четко эта идея развернута в диалоге «Потоп Змиин», обратимся к этому произведению. Первый и главнейший мир у Сковороды – макрокосм. Это «всеобщий и мир обительный, где все рожденное обитает», он «составлен из бесчисленных мир-миров и есть великий мир». Макрокосму как всеобщему миру Сковорода противопоставляет два частных мира – микрокосм, или малый мир (человек), и символический мир (Библия).

Подчеркивая, что в макрокосме пребывает все рожденное, Сковорода имеет в виду то, что сам макрокосм является не рожденным, а вечным и безграничным. Он утверждает, что лишь в неразумной голове могла родиться мысль о том, будто великого «обительного» мира когда-то не было и что он якобы сотворен церковным «богом» и, следовательно, конечен. Веру в это он называет бессмыслицей. Понятие «макркосм» Сковорода полностью связывает с космологическими представлениями, и прежде всего с системой Коперника и признанием существования множества миров, вечных во времени и беспредельных в Пространстве. Цель познания он видит не в описании и объяснении многообразия внешних проявлений жизни, а в постижении тайных пружин развития Вселенной, в постижении под покровом внешних образов и доступных наблюдению явлений сущности внутреннего смысла вещей как источника их количественной и качественной определенности, в частности закономерностей их становления и развития, меры, ритма, симметрии, пропорции и т.п. Отсюда его постоянный интерес к системе Н.Коперника, в которой он видит подтверждение мудрости и совершенства строения природы, познание которой необходимо для человека.

Своеобразие исходных принципов философии Сковороды обусловило и особенности его концепции познания. Познание физического мира не является для философа неразрешимой проблемой. Он стоит на точке зрения безусловного признания познаваемости мира, констатирует величественные и бесспорные успехи наук, отрицает агностицизм, верит в беспредельные возможности человеческого разума в познании истины. Из признания мудрости невидимой природы вытекает, как было показано выше, отношение философа к чудесам и критика суеверий, возникающих на почве

ложных знаний. Знание материи, по его мнению, есть необходимая ступень познания внутренней формы, сущности. Это чувственное познание плоти, внешнего является основой, опираясь на которую человек познает невидимое и главное.

Признавая результаты этой первой ступени познания совершенно достоверными, Сковорода не считает их достаточными. Он не раз обращается к осмыслению законов физики, математики, но не ради познания тайн физического мира. В законах Вселенной, например, в воспроизведенном Н.Коперником строении Солнечной системы он прежде всего видит присутствие мудрости невидимой природы. Познание этой мудрости должно помочь человеку проникнуться верой в наличие такой же мудрой руководительницы и в нем самом. Познание тайных пружин Вселенной, разгадывание их под покровом различных образов, видов, видений должно убедить человека в том, что материальное существование не исчерпывает его бытия, что им движет духовная форма. Познание этой формы, а не материи, то есть не внешних проявлений физического разнообразия бытия, а внутреннего смысла, должно быть предметом истинного познания. То, что необходимо существует как универсальная основа бытия всего сущего, реализует себя через случайные проявления в существовании людей и предметов. И задача состоит в том, чтобы с помощью образов, рожденных игрой этой случайности, выявить действие законов «идеальной природы».

Есть у Сковороды излюбленный аргумент, повторяющийся даже с некоторой навязчивостью в разных произведениях. Это рассуждение о том, что не краски являются основой картины, а рисунок, точнее, симметрия, пропорция, ритм. Вообще понятие меры, времени и пространства ассоциируется в его сознании с признаками невидимой природы, ее количественной и качественной определенности. Он утверждает, что даже в скоротечных вещах наличие ритма, симметрии, закона есть признак этой природы, изменяющейся в своих внешних проявлениях и постоянной, всегда равной самой себе в своей невидимой сущности.

Все «три мира», по мнению Сковороды, обладают двумя натурами – видимой и невидимой. При этом характер взаимодействия их различен в каждом из миров. В макрокосме внешнее, материальное, конечное выступает как проявление внутреннего, духовного, бесконечного. Здесь атрибуты духа переданы материи и крайности сходятся.

В остальных мирах видимое выступает только как тень невидимого, духовного, которое является источником блага и истины.

Сложность познания сущности с помощью средств рационального абстрактного мышления обусловлена тем, что, по мысли философа, при этом изменяется не только средство, но и сам объект, другими словами, с переходом от явления к сущности человеческая мысль познает уже не материальное, а идеальное, трансцендентальное. Познание последнего и является главной целью философской науки. Что же касается чувственного познания, то с его помощью познается лишь определенная «обличительная тень», а не сама тайна явления, ибо, по словам Сковороды, «в великом и в

малом мире вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах, или вечных образах». Как раз вечные «формы», которые он считает основой внешних, доступных ощущениям образов, и представляют собой объект познания в истинном смысле слова. Философ много раз напоминает в связи с этим, что сущность картины составляют не линии и цвета, а тот невидимый образ, который является субстратом не только изображенного на картине предмета, а и множества других, ему подобных. Поэтому-то и важно познать не столько множество проявлений конечных вещей, сколько их идеальные образы. Вот почему Сковорода с пренебрежением говорит об осязании, о чувственном, непосредственном восприятии вещей, отдавая предпочтение философски содержательному созерцанию, которому, по его мнению, доступны «виды» вещей, сродные с их феноменологической сущностью. Это созерцание вещей не является пассивным наблюдением их внешне ощутимых сторон, а теоретически рефлексивным углублением в их скрытую для неопытного глаза сущность.

Веря в мудрую основу природы, философ считает совершенно закономерным, что человек познает ее своим разумом.

Сковорода твердо уверен в том, что возможности человека в познании «вечной материи» безграничны. Однако, по мнению философа, было бы грубой ошибкой видеть в этом познании условие постижения счастья. Значение научных открытий измеряется их способностью содействовать познанию человеком истинных духовных ценностей, собственной природы не для того, чтобы умножить количество желаний и потребностей, а для того, чтобы ограничиться удовлетворением самых необходимых потребностей. На первый план выдвигается собственно не практическое значение научных фактов, а их значение для познания человеком самого себя.

Исходя из концепции «трех миров» и «двух натур», Сковорода стремился создать особую философскую картину мира, в котором все происходящее связано непрерывной цепью причин и следствий и законы которого явились бы законами морального поведения человека.

Человек в его взаимоотношениях с миром в учении Сковороды занимает центральное место. Это особенное положение человека определяется тем, что он наделен разумом и волей, способен познать свою природную сущность и в соответствии с последней самоусовершенствоваться, то есть приобретать атрибуты, свойственные невидимой «натуре». Одним из способов этого самоусовершенствования является духовное творчество, выражающее высокие духовные порывы человека. Недаром свои первые значительные философские диалоги Сковорода посвятил выяснению сущности «истинного» человека. Согласно его взглядам, происходящее в мире обретает значение постольку, поскольку находит свое завершение в человеке. «А что такое человек? – спрашивает он. – Что бы оно ни было: дело ли, действие ли, или слово – все то пустая пустошь, если оно не получило события своего в самом человеке», ибо все разнообразие материального мира, вся «неизмеримая бесчисленность и видимость стекается в человеке».

Объективный идеализм Сковороды, выявляющийся в его произведениях в своеобразной форме пантеизма, генетически связан с философским осмыслением морального мира человека и критикой аморальной социальной действительности: мира корыстолюбия и наживы, угнетения и порабощения, мук и страдания. Как раз об этом мире он писал: «Мир есть пир беснующихся, торжище шатающихся, море волнующихся, ад мучающихся». И в другом месте: «...мир же есть море потопляющихся, страна моровую язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плененных, торжище блудников, удка сластолюбная, печь, распалая похоти, пир беснующихся, лик и хоровод пьяно-сумасбродных, и не отрезвятся, пока не устанут, кратко сказать, слепцы за слепцом в бездну грядущие». Для того чтобы устоять против сетей и соблазнов этого мира, человек должен найти моральную опору в самом себе, познать в себе «истинного» человека. Поэтому произведения Сковороды от первого до последнего пронизаны призывом: «познай себя», познай в себе настоящего, «истинного» человека и действуй как настоящий, истинный человек.

Наиболее прогрессивной линией философской мысли XVIII века была философия Просвещения, которая выражала прежде всего интересы растущей буржуазии. Буржуазные просветители сделали много для утверждения материализма и атеизма, подвергли резкой критике церковную идеологию.

Сковорода, как и его современники – французские материалисты XVIII века, главной задачей философии провозглашал познание природы человека, но в отличие от последних он не считал индивидуальные чувственные побуждения, в частности личный интерес, определяющими в этой природе. Наоборот, мир индивидуальных собственных интересов, своекорыстия и наживы был для него олицетворением зла (в этом отношении он стоял ближе Канту). Патриархально-крестьянская, антибуржуазная антикрепостническая направленность взглядов Сковороды обусловила поиски им других, чем у французских материалистов, оснований и факторов человеческого действия. По его утверждению, истинно моральные основы поведения человека определяются не его телесной организацией, а его духовным миром, господствующим над телом и определяющим человеческие действия и поступки. Поэтому для Сковороды человек – это не просто телесный индивид. Это отдельный мир, микрокосм, «маленький простой камушек, в котором ужасный пожар затаился».

В самом человеке выделяется не познание плоти, а познание духа. Но «если нечто узнать хочешь в духе или во истине, – утверждает философ, – усмотри прежде во плоти, сиречь в наружности». Это значит, что Сковорода признает необходимым изучать и внешнюю плотскую натуру человека, в которой находит свое проявление невидимый дух, или разум. Уподобляя процесс познания двойному жванию парнокопытных, познание плоти он называет «первым жванием», за которым обязательно должно следовать «второе жвание» – познание духа. Поэтому познание человека означает не просто знание его телесной организации, а постижение его невидимой, внутренней, духовной природы. Познать истинного человека – значит

познать «бога» в человеке. «Один труд в обоих сих – познать себя и уразуметь бога, познать и уразуметь точного человека, весь труд и обман его от его тени, на которой все останавливаемся. А ведь истинный человек и бог есть то же».

Через отождествление духовных стимулов деятельности человека с Богом, а последнего – с внутренней духовной природой человека Сковорода осуществляет экстраполяцию отношения духовного мира человека к его реальным телесным действиям на объяснение природы и Вселенной в целом, разрабатывает свою концепцию «двух натур» и «трех миров» как философскую основу своего учения о человеке, смысле его бытия и настоящем счастье. По своей философской сущности это учение идеалистично, да иным оно и быть не могло в период, когда в объяснении духовных факторов деятельности человека безраздельно господствовал идеализм (французские материалисты также придерживались взгляда, что «идеи правят миром», оставаясь идеалистами в своих этических воззрениях).

Сковороду не беспокоит будущее науки в том смысле, что он не сомневается в ее громадных потенциальных возможностях в раскрытии тайн природы и организма самого человека как части природы. Его только тревожит то, что познание так мало дает для понимания человека, не удовлетворяет стремления человека к счастью.

Науку о человеке и его счастье Сковорода считал главной и высшей из всех наук. С этих позиций он критиковал преувеличение роли и значения естествознания, наук о природе, в обычном понимании. В одном из своих произведений он писал: «...мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов, размежевали планеты, доискались в Луне гор, рек и городов, нашли закомплетных миров неисчетное множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремления водные, что денно новые опыты и дикие изобретения... Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого не достает. Нет того, чего и сказать не умеем: одно только знаем, что не достает чего-то, а что оно такое, не понимаем». Об этом и должна сказать наука о человеческом счастье – «верховная наука». «Я, – писал философ-гуманист, – наук не хую и самое последнее ремесло хваю, одно то хулы достойно, что, на них надеясь, пренебрегаем верховнейшую науку, до которой всякому веку, стране и стати, полу и возрасту для того отворена дверь, что счастье всем без выбора есть нужное, чего, кроме нее, ни о какой науке сказать не можно».

Непосредственным субъективным проявлением человеческого счастья Сковорода считает «внутренний мир, сердечное веселие, душевную крепость». Достичь его можно, только следуя велению своей внутренней натуры. При более конкретном рассмотрении проблемы оказывается, что этой внутренней натурой является сродство с определенным видом труда. Как выразитель интересов и умонастроений крестьянства, Сковорода смысл человеческого бытия видит в труде («жизнь и дело есть то же»), а истинное

счастье – в свободном Труде по призванию («душу веселит сродное делание»). В философии Сковороды мысль об определяющей роли «сродного труда» в обеспечении счастливой жизни впервые приобрела значение общего принципа в решении проблемы человеческого счастья и смысла человеческого бытия.

Благополучие общественной жизни людей основано на труде: «Откуда же уродится труд, если нет охоты и усердия? Где же возьмешь охоту без природы? Природа есть первоначальна всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты... Охота сильнее неволи, по пословице. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход дотоль, поколь породит совершенное дело, соплетающее творцу своему венец радости. Кратко сказать, природа запалает к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким».

В этом контексте принцип «познай себя» имеет своим содержанием познание своих природных склонностей к определенному виду деятельности, свое действительное признание. Эта склонность имеет природную основу и усовершенствуется соответствующим воспитанием, «наукой и практикой». Сродность, призвание и есть истинный «бог» в человеке: «С природою жить и с богом быть есть то же; жизнь и дело есть то же».

Сковорода различает процесс труда и его результат. Результатом труда является продукт потребления, и он имеет своим назначением простое поддержание жизни. Наслаждение процессом потребления не является истинным человеческим наслаждением. Истинное удовольствие в наслаждении самим процессом труда, его приносит только «сродный труд»: «Прибыль не есть увеселение, но исполнение нужности телесной, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в делании сродном. Тем оно слаще, чем сроднее. Если бы блаженство в изобилии жило, то мало ли изобильных?» Таким образом, в своей философской концепции сродного труда как основы человеческого счастья Сковорода со всей остротой ставит проблему преодоления отчужденности труда, превращения труда в первейшую потребность и в высшее наслаждение. На почве философского пантеизма он отстаивает взлелеянную в народе идею свободного труда по призванию, труда как внутренней потребности и высшего наслаждения.

В плане «сродного труда» рассматривает Сковорода и проблему равенства. Он признает лишь одно неизбежное неравенство – неравенство одаренности и призвания в одном и том же виде деятельности, неравенство не социального, а преимущественно природного происхождения. Отсюда его принцип «неравного равенства». «Бог, – писал он, – богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над фонтаном надпись сия: «Неравное всем равенство... Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный».

Как крестьянский просветитель и сын своего времени, Сковорода не мог подняться до понимания материально-практической обусловленности общественного разделения труда и его опосредованности отношениями

собственности. Общественное разделение труда он стремится спроецировать на природные свойства человека. Отсюда критика социальных пороков направляется им не по линии требований революционных изменений существующей структуры разделения труда, а по линии их морального усовершенствования путем преодоления «несродного труда» во всех сферах общественной деятельности. «Несродный труд» – конечный источник всех общественных пороков. «Кто умерщвляет науки и художества? Несродность. Кто обеспечил чин священнический и монашеский? Несродность. Она каждому званию внутреннейший яд и убийца. «Учитель, иду по тебе». Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляй купеческое дело или художество твое. Делай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбивый гражданин, и довлеет».

Подобный подход содержит в себе вывод о вечности, неизбежности существующего общественного разделения труда. В этом историческая ограниченность взглядов Сковороды. Однако главный пафос его критики несродного труда направлен против паразитизма господствующих классов, против превращения человеческой деятельности в средство наживы, своекорыстия и эгоистических материальных интересов. Сковорода – один из первых великих критиков буржуазно-мещанского потребительского образа жизни с его культом обладания вещами.

Участие в «сродном труде», по мнению Сковороды, определяет меру реализации человеком собственного призвания и общественной пользы, ибо «мертва совсем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной». Сковорода признает несоответствующими природе страсть к наживе, сребролюбие, моральную развращенность, воровство, властолюбие, угнетение слабых, человекоубийство, тщеславие и карьеризм. Все это является отклонениями от природы, нарушением главного ее требования – меры.

О том, что теория «сродного труда» явно направлена против социальных устремлений господствующих слоев, свидетельствует осуждение Сковородой домогательств панства: погони за наживой, прибылями, прибыльными должностями. «Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю, для того, чтоб через нее вскочить на кучу изобильного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден...» Поэтому Сковорода и защищает моральное преимущество таких видов труда, как земледелие, ремесло. Несоответствие природе философ считает огромнейшим злом, так как оно приводит к тому, что результаты труда превращаются в свою противоположность: «правление – в мучительство, судейство – в хищение, воинство – в грабление, а науки – в орудие злобы».

Законы общества, регулирование личного и общественного интереса людей, по его мнению, имеют своим источником самую природу, а не человеческое творчество. Это глубокое убеждение в регулятивной функции природы, в природной детерминированности общественного развития лишает Сковороду возможности понять роль государства, классовых

отношений. Он говорит о «гражданских законов заборах», напоминает о силе постановлений законов, но далек от понимания социальных факторов, обуславливающих необходимость их появления.

Счастье Сковорода связывает с чувствами благодарности, любви, дружбы, которые возникают вследствие сродности. Осознав свою зависимость от природы, определив свою меру счастья и смирившись с ней, человек получает самое большее наслаждение от удовлетворения наиболее необходимых потребностей. И наоборот, человек, потерявший чувство природной меры, не познает истинного наслаждения. Удовлетворяя свои даже самые изысканные капризы, он останется неудовлетворенным.

Любовь к добру, как и любовь вообще, рождается как следствие природного сходства людей. Поэтому Сковорода утверждает, что «подобное к подобному ведет сам бог», что симпатия есть признак одинаковости душ так же, как и дружба. Именно в дружбе он видит основу общежития в человеческом коллективе, в государстве, в общественных группах, ибо она «основание, союз и венец обществу». Нет сомнения, что такое понимание дружбы противостоит волчьим законам современного ему общества.

Характерным признаком счастья в понимании Сковороды является его органическая связь с внутренним миром личности, но это не значит, что оно антиобщественно, эгоистично по своей сути. Счастье общества, по утверждению Сковороды, есть результат индивидуального самочувствия каждого его члена, а поэтому истинное счастье не любит одиночества, ему свойственно желание иметь сообщников. «...Истинного же счастья такова есть природа, – пишет он, – что, чем множайших иметь в нем сопричастников, тем слаще и действительнее беззавистное сие добро становится и сим одним разнится от ложного мирского счастья, о коем подобное сказать никак невозможно...». Это важное положение Сковороды позволяет сделать вывод, что философ искал решения проблемы всеобщего и надежного счастья для всех людей.

Смыслом своей философии Сковорода считает то, что она учит истинному счастью. Такое счастье связано не с богатством, ибо «не по чину, не по стороне, не по изобилию счастливым есть», а в первую очередь с внутренним миром, чтоб «узнать, найти самого себя». Соблюдение природной меры выступает условием самовоспитания истинного вкуса к жизни и спокойного самочувствия. Отсюда чувства самоудовлетворения соединяются с чувствами благодарности природе (богу) за то, что она позаботилась о том, чтобы самое необходимое для человека было легкодоступным. Неудовлетворенность обладаемым благом, стремление к обладанию большим, чем это необходимо для поддержания жизни, превращение удовлетворения плотских потребностей в культ и цель жизни, по мнению Сковороды, и вовлекает человека в тот порочный круг, из которого нет счастливого выхода.

Человек может достичь счастья, оставаясь и бедным. Счастье как состояние духовного удовлетворения, радости души, не желающей ничего иного, кроме сохранения этого состояния, согласно Сковороде, является субъективным переживанием. И как таковое оно при наличии минимума

внешних условий зависит от внутренней оценки отношения к действительности. Исходя из этого положения, Сковорода делает вывод, что при бедности имеется больше оснований достичь счастья, чем при богатстве, поскольку обладание последним увеличивает зависимость человека от внешних обстоятельств, не содействующих счастью. Тот, кто владеет собой, хотя и беден, на деле богаче царей, а тот, кто владеет миром, не владея собой, дрожит за свое богатство, не может чувствовать себя счастливым. Поэтому «не тот скуден, что убогий, а тот, что желает много», так как это ведет к внутреннему опустошению Души.

Все сказанное не означает, что Сковорода отрицал значение материальных потребностей в жизни человека и призывал к всеобщему аскетизму. В одном из писем, отвечая на обвинения в том, будто бы он осуждает употребление мяса, вина и прочего, Сковорода замечал, что «подлинно всякий род пищи и питья полезен и добр есть, но рассуждать надобно время, место, меру и персону». В этом вопросе мыслитель следовал совету Сократа, который говорил, что есть нужно затем, чтобы жить, но не жить ради еды.

С учением о «сродном труде» Сковороды тесно связаны и его педагогические идеи. Работая преподавателем Переяславской семинарии, Харьковского коллегіума и домашним учителем, Сковорода приобрел значительный педагогический опыт, который он и стремился теоретически обобщить, опираясь на положения выработанного им философского учения. Тем более, что теория «сродного труда» требовала для себя определенного выхода в практику. Так как Сковорода уделяет значительное внимание проблемам морали, то это заставляет его вырабатывать определенные педагогические принципы образования и воспитания. В этом отношении его взгляды привлекают внимание исследователей, раскрывающих существенные моменты его педагогической практики и теории, изложенные в его философских трудах, стихотворениях, баснях и письмах и органически вытекающие из его учения о «сродном труде» и счастье.

Сковорода критикует (в притчах и баснях) ту систему обучения и воспитания, которая была модной в его время среди значительной части господствующих слоев и которая предусматривала не столько воспитание «истинного» человека, сколько приобретение внешних манер.

В своих педагогических идеях мыслитель опирается на принцип соответствия природе как основу воспитания счастливого и общественно полезного человека. Он утверждает, что воспитание «истекает от природы», что природа является высшим учителем, что она требует только не мешать ей проявить себя. Воспитатель и воспитанник должны идти ей навстречу. Такова доминанта педагогических рассуждений Сковороды. Значительное внимание в познании природы человека и определения им своего места в жизни философ отводит практике, упражнениям, функция которых и состоит в том, чтобы приводить в совершенство природные данные. В этом отношении он и различает науку и привычку, обучение и практику. Наука и привычка должны повести человека по пути «сродного» общественно полезного труда, являющегося сферой проявления сущности человека в его

высоких духовных стремлениях. Вот почему он предостерегает против праздности, безделья, имея в виду безделье как физическое, так и духовное.

Целью воспитания Сковорода считает не только умение находить истину, познавать явления природы, а прежде всего приобретение благородных чувств, таких, как любовь, дружба, благодарность. Ведь, по мнению Сковороды, природу человека характеризует не столько его разум, сколько «благое сердце», «добрая воля», которые и определяют склонность к осуществлению славных поступков. Преисполненный веры в безграничную мудрость и гуманную «благость» природы, Сковорода придает важное значение роли педагогической науки, воспитателя и школы, утверждая, что тот, кто желает научить других мудрости жизни, должен долго учиться сам. При этом он подчеркивает необходимость морального авторитета учителя, единства его слова и дела. Сковорода считает, что наряду со школой воспитание детей является главной обязанностью родителей. Дав жизнь, они прежде всего должны обучить детей благу. «Родители, – пишет он, – суть наши лучшие учителя».

Следует отметить, что, несмотря на историческую ограниченность педагогической концепции Сковороды, признание права на образование в зависимости от способностей, а не от социального положения, критика индивидуалистического воспитания свидетельствуют о гуманистическом и просветительском характере его учения.

Как известно, призыв познать самого себя прозвучал еще в древние времена. Он украшал вход в храм Аполлона в Дельфах. Осуществление этого призыва Сократ считал условием правильной жизни, этот призыв сохранил силу и в XVIII веке. В учении Сковороды он занимает важное место, конкретизируясь в понимании «сродного труда».

Эта связь самопознания и «сродного» общественно полезного труда и составляет важную часть того вклада, который внес в философию Сковорода. В этом труде, наиболее соответствующем природным склонностям человека, он видит главный источник человеческого счастья. Именно в принципе соответствия природе философ видит критерий разумности общественных институтов и моральных поступков отдельных людей. Призыв познать самого себя приобрел у Сковороды гуманистическое звучание. Смысл этого абстрактного гуманизма состоит в утверждении права каждого человека на свое счастье путем познания своих природных способностей и свободного избрания труда по сродности. Это положение в корне противоречило утверждавшемуся при жизни Сковороды на Украине крепостному праву. Выдвигая его, философ тем самым осуждал социальный гнет, отчужденный труд, крепостничество, мешавшее проявлению природных дарований людей.

Однако уже во времена Сковороды призыв к самопознанию мог быть только выражением пассивного осуждения действительности и вызвал серьезную критику, ориентированную на более активное отношение к миру. Стало очевидным, что только деятельность, направленная на внешний мир, его идеальное и материальное преобразование согласно человеческим идеалам содействуют действительному утверждению человека в мире.

Овладение окружающим миром обнаруживает и ранее неизвестное в самом человеке. Критерием истинности самопознания человека выступает деятельность, в результатах которой и проявляется действительная сущность человека. Как и большинство ранних просветителей, Сковорода рассматривает самосознание как субъект истории, возлагая все свои надежды в отношении будущего человечества не столько на материальную практику, сколько на активность.

С учением о человеке как микрокосме в философии Сковороды тесно связано учение о третьем – символическом – мире. Чаще всего он отождествляется Сковородой с Библией, но в этот «мир» им включаются также мифология и народная мудрость. Символичность Библии, по его мнению, состоит в том, что в ней собраны «небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной природы, утаенной в тленной так, как рисунок в красках своих». Библия состоит из двух натур – внешней и внутренней, которые соотносятся между собой как знак и смысл. Сковорода отвергает истинность внешней стороны Библии, содержащей множество неправдоподобных и фантастических с точки зрения истины и здравого смысла историй и сказаний. С позиции разума и признания закономерностей природы Сковорода отрицает реальность библейских чудес и высмеивает людей, верящих в эти сказки, критикует суеверие церковников и пребывающих в духовной темноте людей, преклоняющихся перед ложными идеями, противоречащими здравому смыслу и научной истине. Он остроумно и искусно высмеивает этот «историальный вздор» в многочисленных афористических высказываниях; собранные вместе, эти высказывания могут быть квалифицированы как свидетельство атеистической тенденции в его учении и использоваться в антирелигиозной пропаганде. Но вместе с тем Сковорода считает Библию средством познания сущности человека. Мыслитель посвящает специальные исследования («Икона Алкивиадская» и «Жена Лотова») вопросу о том, как следует вникать в таинственный смысл Библии, чтобы извлечь из ее рассказов и притч полезное и поучительное знание.

Место Библии в познавательном процессе Сковороды усматривал в том, что она будто бы помогает познать нравственные ценности человеческой жизни. Это познание якобы достигается аллегорично-символическим истолкованием вымышленных и реальных явлений. Это каждый раз ведет мыслителя от логически доказуемого знания в лучшем случае к художественно-образному видению, в худшем – к мистико-аллегорическим «гаданиям».

Характерным приемом осмысливания явлений у Сковороды является притча, то есть познание с помощью простого или сложного аллегорического образа и аналогии. Субъект, познающий человека, у него не случайно объединяет в одном лице одновременно и поэта, и философа, и пророка, ибо он в состоянии постигать скрытый за внешней оболочкой плоти природный смысл и придавать ему поучительное для человека значение.

Взгляды философа на религию и его отношение к церковным институтам и официальной церковной идеологии нельзя оценивать однозначно. Его позиция в отношении к господствующей церкви, отрицательное отношение к существующим формам религиозной жизни, осуждение пороков церковников и его личный, ярко подчеркнутый и сознательный отказ от церковных санов – все это уже само по себе много значит в оценке его прогрессивной деятельности. Есть в его деятельности и определенные моменты, которые вопреки его субъективным намерениям содействовали развитию атеистических представлений. Само понимание бога как разума, присутствующего в вещах, и отрицание бога как личности подрывали основы веры. Пантеизм приводил Сковороду на тот же путь, по которому шли и Джордано Бруно, и Спиноза, то есть на путь разрушения религии. Сковорода избранным им образом жизни и оценками религиозной жизни своих современников содействовал утверждению позиций антиклерикализма. Это чрезвычайно важная сторона мировоззрения философа. Выше мы приводили бескомпромиссные высказывания Сковороды о монашестве. Сковорода не отвергает его целиком, но не раз подчеркивает, что монахом может стать только тот, кто от природы склонен к одиночеству и набожности. И он критикует монастырскую жизнь как гнездо затаенных порочных страстей, разоблачает пороки церковников, своим распутством часто превосходящих мирян. Он ясно понимает, что никто так не способствует распространению суеверия, как священнослужители. Типичным стала для служителей религии, по мнению Сковороды, подмена действительного благочестия и любви к истине церемониями и образами. На этой почве расцветают лицемерие и фарисейство духовников, для которых служение Христу превращается в средство удовлетворения желаний и стремлений, противоречащих правде, истине и настоящей красоте. С особой силой Сковорода бичует церковников за их карьеризм, властолюбие и жажду золота. Эта критика исполнена пристрастного разоблачительного пафоса, граничащего с воинствующим антиклерикализмом.

Следует признать, что определенную атеистическую функцию имеют те высказывания Сковороды, в которых развенчивается фантастичность и обман библейских легенд, противоречащих природе вещей и явлений. Сковорода беспощадно высмеивает тех богословов, которые верят сами и убеждают других в возможности описанных в Библии чудес, якобы совершенных пророками, Иисусом Христом и апостолами. При характеристике этих эпизодов Библии Сковорода употребляет такие слова, как «ложь», «небылицы», «буйство», «обман», «подлог». Философ отмечает, что Библия содействовала распространению суеверия в сознании людей. Такие утверждения часто независимо от контекста произведений Сковороды выполняли в целом разоблачительную функцию по отношению к религии и Библии.

Читателя глубоко поражает связанное с внутренним характером учения Сковороды своеобразие мировосприятия и стиля его произведений. Это делает весьма существенной проблему эстетики Сковороды. Его этико-гуманистическое по содержанию учение одновременно и эстетично. Эта

эстетичность состоит не только в совпадении у него морально-этических и эстетических категорий, но и в некоторой «эстетичности» его онтологических и гносеологических понятий.

Сковорода развивает идею, что только вечное, необходимое, постоянное – все то, что имеет источником невидимую «натуру», является истинным источником красоты, а не внешнее, случайное, привносимое в природу. Невидимая натура, а не ее тень, то есть тленный мир в бренности и быстротечности своих проявлений, является источником познания красоты, не противоречащей мудрости и добродетели. Наоборот, увлечение одними внешними проявлениями невидимой натуры, влюбленность в одну только ее тень неминуемо приводят человека на пагубный путь потери самого себя, рождают в его душе смятение и тревогу. Веря в мудрую основу природы, он считает совершенно закономерным, что человек познает ее путем интеллектуального созерцания. Философ неустанно повторяет мысль о первичности внутренней красоты предметов и явлений, связанной с их сущностью, и об обманчивости, призрачности, тленности внешней привлекательности и прелести. Как и добро, красота есть для него атрибут невидимой натуры, ее целесообразности и совершенства, тогда как внешняя красота конечных вещей – это только призрачная тень, сама по себе не дающая наслаждения. Именно поэтому он склонен признавать прежде всего красоту нерукотворной, девственной природы, с ее ритмами и пропорциями, и отвергать красоту преобразованной человеком (согласно его мере) природы. В человеческой жизни он также признает прекрасными поступки, соответствующие природным склонностям человека.

Смешными философ считает как раз проявления несродности, когда человек стремится делать что-то против природных склонностей. Поэтому Сковорода приходит к выводу, что, хотя одежда является необходимой для человека, люди зря стремятся приукрасить себя, чтобы дать наслаждение глазам. Достижение добра, блага является основой всех человеческих поступков и поэтому является действительно полезным для человека и желанным для него, а значит, и прекрасным. Польза с красотой и красота с пользой, утверждает он, нераздельны.

Сковорода признает настоящей красотой «сокровенную» красоту, в древние времена называвшуюся словом *decorum*, «то есть благолепие, благоприличность, всю тварь и всякое дело осуществляющая, но никоим человеческим правилам не подлежащая, а единственно от царствия божиего зависящая». Эта красота органически связана с добротой. Отсюда, утверждает он, возникли высказывания, что «доброта живет в одной красоте», что «подобное к подобному ведет бог». Соответствие добру является свидетельством красоты вечного и нетленного, и, наоборот, тленная внешняя красота безразлична к добру или враждебна.

Основанное на таком понимании прекрасного искусство оценивается по тому же принципу, что и прочие явления. Истинная ценность художественных произведений, по мнению Сковороды, состоит в том же, в чем и ценность жизненных явлений: «Опера, книга, песня и жизнь не от долготы, но от благолепия и доброты цену свою получают». И к песне, и к

жизни он подходит с единым критерием. Этим общим критерием оценки их достоинств является доброта:

*«Не красна долготою, но красна добротою,
Как песнь, так и жизнь».*

Искусство состоит не столько в наслаждении внешностью, сколько в наслаждении от интеллектуального созерцания истины и добра, поэтому важным признаком стоящего искусства является чувство любви: «Искусство во всех священных инструментах тайнах не стоит полушки без любви».

Понимание искусства у Сковороды закономерно вытекает из теории сродности. Ничто не требует такой внутренней свободы, как искусство, ибо несродность убивает художество. Те «безминервные служители муз», о которых с презрением говорит философ, и несчастны тем, что пренебрегли собственной природой и свойственными им природными склонностями. Для живописи и для музыки, как и для всякого другого искусства, нужно родиться. Что касается обучения и искусства, то они способны только совершенствовать природные способности. При отсутствии природной склонности никакое обучение не принесет желанных и ожидаемых результатов.

Искусство, которое достигается с помощью обучения, состоит не в отрицании природы, а в усовершенствовании природных способностей. Сковорода разделяет известное мнение о том, что искусство совершенствует природу. Искусство является категорией, характеризующей совершенство и законченность любой вещи и любого действия в соответствии с определенными природой границами. Именно природная склонность побуждает человека к частым упражнениям, к накоплению опыта, являющегося основой знания, привычки и искусства. Без этого, утверждает философ, не было бы ни науки, ни искусства, ни результативной практической деятельности. Поэтому необходимо познать прежде всего не то, что достигается мастерством, а то, что делает возможным само мастерство, например ритм и темп в музыке, рисунок, симметрию, пропорцию в живописи и т.п. «На искусной живописи картину, – пишет он, – смотреть всякому мило, но в пиктуре (картине, – Авт.) один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли свои в мысли ее, примечая пропорцию, рисуя и подражая натуре».

Определяя искусство с точки зрения «сродного труда», Сковорода делает вывод, что наслаждение настоящему художнику приносит не слава, а процесс самого труда над произведением, который слаще самой славы. А это значит, что условием наслаждения трудом является соответствие требованиям природы и что во всех науках как и в художествах, «плодом является правильная практика», основанная на самопознании природных склонностей.

Главной функцией поэзии для Сковороды остается как раз морально-дидактическая, слишком низко ставит он функцию развлекательную. Вот почему он скептически высказывается по поводу того, возможно ли чтением стихов избежать скуки. Сковорода пишет: «Какое... безумие требовать этого от поэтов, минуя бога! Если бог повсюду, если он присутствует и в этом

черепке (при этом я поднял черепок с земли), если он всегда есть.., то для чего ты ищешь отрады в других местах, а не в себе самом? Ведь ты являешься самым лучшим из всех творений». Искусство должно служить делу самопознания человека. Если же искусство теряет эту цель и превращается в самоцель, то оно теряет все. Пока египтяне в образе сфинкса, «будто бы во множестве зеркал», находили знание о себе, было хорошо, но потомки их отбросили это, и «остались одни художества с физическими волшебствами и суеверием. Монумент, напоенный всеполезнейшим для каждого советом, обратился в кумир, уста имущий и не говорящий, а только улицы украшающий, и будто источник в лужу отродился».

Искусство всегда символично в том отношении, что между знаком и значением лежит художественный образ. Для Сковороды этот символизм приобретает универсальное значение.

И его философия становится в определенном отношении разработкой принципов моралистического толкования образов мира, данного в ощущениях, и мира, сотворенного фантазией.

Философское мышление Г.Сковороды синтетично в своей основе. Его специфика в значительной мере находится в зависимости не только от содержания идей, развиваемых философом, но и от формы и стиля, избранных им. Его философские произведения представляют интерес не только с точки зрения «чистого содержания», но и со стороны формы, в секретах которой немалая часть и секретов самого содержания его философии. Раскрытие этой диалектической связи между определенными идеями и формой, выявляющей их, представляет важное условие для познания философского творчества Сковороды. Форма его сочинений не была случайной, она органически связана со спецификой идейного содержания, не поддающегося полному познанию без учета этой формы. Характерной особенностью мировосприятия, а значит, и творчества Сковороды является соединение философского мышления с элементами эмоционально-образного восприятия мира.

Стиль философского мышления Сковороды нельзя понять, не принимая во внимание то, что в его произведениях важнейшую функцию играют эмблемы и символы, определяющие специфику его аллегоризма.

На пути формулирования того или иного философского понятия у Сковороды каждый раз возникает образ, становящийся отправной точкой развития мысли. Этот прием был разработан в старых риториках, придававших важное значение примерам. Сковорода отталкивается от конкретного: образа, рассказа, случая, примера, подвергая его рационалистической обработке, а отсюда делает важный шаг к жанру свободного публицистического размышления, вдохновляемого субъективным пафосом. Он не дает повествовательным элементам развиваться в конкретно-чувственную картину, а подчиняет их своим абстрактно-философским идеям. Этот путь мог бы быть чрезвычайно плодотворным, если бы писатель-философ сумел полностью освободиться от религиозно-мистического мировосприятия.

Своими произведениями Сковорода словно стремится вернуть былую славу синкретической форме литературы, остававшейся долгое время единственной формой идеологии. Он отказался от форм изложения, господствовавших в хорошо известных ему лекционных курсах по философии, избрав форму свободного философствования, базирующегося на органическом соединении художественного мирозерцания и рационалистического мышления. Он прибегает к широкому приобщению материалов Библии, мифов, легенд, пересказов, сказок и т.п. не от недостатка знаний, а вследствие его принадлежности к типу сознания, способного только так воспринимать и отображать действительность.

Не раз заявляя, что у истины простая речь, Сковорода все же в своих сочинениях отказывается от простоты, отдавая предпочтение «фигурным высказываниям», то есть таким, смысл которых отличен от значения слов, их составляющих. Фигуры он считает аллегорией и творчеством, делающими невидимое и вечное с помощью внешнего воплощения в слове, образе, притче осязательным и видимым, а тем самым и поучительным средством, помогающим человеку распознавать и в самом себе вечное и надежное. Люди, обладающие даром создавать фигуры, символы, и являются, по его мнению, настоящими поэтами-творцами и пророками. Этот факт отождествления поэта с пророком, оповещающим о боге и божьих истинах, очень характерен для мировоззрения Сковороды.

Сковорода обрабатывает сравнительно незначительное количество идей, стремясь осмыслить их с помощью одних и тех же образов. Философ, учение которого создавалось постепенно, с большой последовательностью развивает свои идеи, с каждым произведением детализируя их, обращая внимание на возможные оттенки. Он охотно обращается к стилистическим вариациям своих мыслей, любит каламбур и словесную игру. Это и обуславливает важную роль в его сочинениях своеобразных стилистических упражнений, выступающих как некий эвристический способ извлечения новых мыслей. Небезразличный к форме своих произведений, много раз возвращаясь к одним и тем же понятиям, Сковорода стремится выразить их с помощью различных словесных формул. Вследствие этого создается множество синонимических, близких по своему содержанию, но отличных по форме метафорических выражений, образующих целые цепи связанного между собой текста. Последний нередко организован не только семантически, но и фонетически; в нем немалую роль играют не только логика смысловых значений, но и ритмика.

Сковорода не пренебрегает выработанными риторическим искусством принципами извлечения словесных острот, которые должны не только вести читателя к истине, но и приносить ему определенное эстетическое наслаждение.

Философ далеко не безучастен к словесным формам даже в случаях, далеких от собственно филологических задач. И его философские поиски не раз проявляют тенденцию превратиться в своеобразные филологические комментарии.

Публицистическая страстность и эмоциональная насыщенность поражают сознание каждого, кто вчитался и включился в контекст его диалогов и монологов, независимо от того, разделяет он его пафос или нет. Конечно, это не означает игнорирование рационально-логического аспекта философского учения Сковороды. Он дорогой ценой отстаивал свои убеждения, которые во многом гармонировали с его образом жизни, что, естественно, не могло не наложить субъективный эмоциональный отпечаток на его произведения.

Как в своеобразии переосмысливания повествовательного материала, так и в индивидуализации языковых средств у Сковороды улавливается влияние личностного начала, выдвигание на первый план субъективного отношения автора к миру и к самим средствам его отражения в сознании. Ведь в центре внимания философа стоит человек, его мировоззрение. Наряду с большинством ранних просветителей Сковорода рассматривает самосознание как субъект истории, возлагая все свои надежды в отношении будущего человечества не столько на материальную практику, сколько на активность духа. Его произведения убедительно показывают, что, формулируя свои идеи, обосновывая их истинность, он много внимания уделяет не только логической стороне дела, но и самой форме, способу преподнесения читателю своих мыслей. Это обусловлено основным свойством мировосприятия и творчества Сковороды, желающего не только логично подвести своего читателя к тому или иному выводу, но и стремящегося навеять их читателю иным способом. Для этого одна и та же мысль развивается им как бы с разных сторон и с помощью образных аналогий и примеров включается в новые связи. При этом он действует подобно композитору, развивающему одну и ту же тему при помощи многочисленных вариаций.

Философское наследие Сковороды, таким образом, представляет интерес и с точки зрения развития художественной литературы. Сковорода своими произведениями обогатил жанры трактата, диалога, притчи. Важной заслугой его является обращение к украинскому литературному языку XVIII столетия.

В лице Сковороды украинская и русская прогрессивная культура имеет оригинального мыслителя и писателя, страстная мысль которого не желала мириться с тиранией несправедливого, враждебного человеку мира. Как гуманист он отстаивает идею единства человека и природы и с этих позиций развивает идею равного права людей на счастье и «сродный труд» как условие его достижения.

Пример жизни Сковороды, его философское и художественное творчество влияли на сознание лучших сынов украинского и русского народов, вдохновляя их на борьбу за переустройство жизни во имя народного счастья.

Сложная и противоречивая личность Сковороды, его идейное наследие не раз оказывались в центре борьбы прогрессивных и реакционных направлений историко-общественной мысли. Эта борьба продолжается и поныне.

Реакционные идеологи из буржуазно-националистического лагеря восхваляют наиболее слабые стороны мировоззрения мыслителя, всячески стремясь поднять исторически ограниченные его идеи до уровня бесспорных истин. Подобные попытки всегда получали отпор со стороны прогрессивных деятелей культуры, которые немало сделали, чтобы раскрыть и показать то ценное, чем богато идейное наследие Сковороды, связанное со стремлениями и чаяниями украинского и русского народов.

Необычный образ жизни и философское учение Сковороды влияли уже на его современников, среди которых распространялись переписываемые от руки его произведения. И нельзя не согласиться с уже давно высказанной мыслью, что философская просветительская деятельность Сковороды на Слобожанщине подготовила почву для открытия Харьковского университета.

Сковорода еще при жизни вошел в легенду, которая крепко связывает его имя с высокими и чистыми духовными идеалами, с непокорностью власти золота и насилия, с верностью своему призванию, с гуманизмом и просветительством. И еще до того как наследие Сковороды стало предметом научного исследования, эта легенда оказывала заметное влияние на духовную жизнь украинского народа.

Лучшие представители украинской прогрессивной культуры проявляли интерес и были знакомы не только с биографией, но и с произведениями Сковороды и в определенной степени оказывались под влиянием его идей. В шеренге этих почитателей философа-писателя необходимо назвать И.Котляревского, Г.Квитку-Основяненко, В.Масловича, П.Белецкого-Носенко, И.Срезневского. Особенно интересовала личность Сковороды гениального Тараса Шевченко, который и в поэзии, и в повестях, и в письмах не раз пытался определить его место в истории украинской общественной мысли.

Большой интерес личность Сковороды вызвала у русских мыслителей. В 30-40-е годы XIX века совершается ряд публикаций произведений Г.Сковороды, и его идеи вызывают полемику на страницах русской прессы. Во второй половине XIX века благодаря новым публикациям интерес к Сковороде возрастает, следствием чего выступают не только новые исследования о мыслителе, но и усвоение и переосмысление его прогрессивных идей.

Сюда относятся яркое выступление в защиту Сковороды Н.Костомарова, статьи и высказывания о Сковороде А.Потебни, П.Житецкого, М.Коцюбинского, И.Франко и многих других украинских писателей. Больше всех пронизаны чувством историзма оценки И.Франко, по мнению которого Сковорода является наиболее выдающимся «духовным деятелем» XVIII века, совершенно «новым явлением» в украинской культуре с точки зрения образования, широты воззрений и глубины мыслей. Философское учение Сковороды в конце XIX столетия привлекает внимание многих историков философской мысли Украины, которые в процессе изучения наследия выдающегося мыслителя ставят новые философские задачи. Это ученые Н.Сумцов, Ф.Зеленогорский, А.Ефименко, Д.Багaley и др. Говоря о последнем, мы должны подчеркнуть, что в его многогранной деятельности историка, продолжавшейся в советское время, Сковорода занимает важное

место. Багалею принадлежит первая научная публикация значительной части наследия Сковороды, глубокая и всесторонняя ее оценка. Написанная им книга «Український мандрівний філософ Г.С.Сковорода» до сих пор остается самым полным исследованием его жизни и творчества.

Сохранился ряд свидетельств о влиянии учения Сковороды и на русских писателей и мыслителей. Лев Толстой признавал, что в мировоззрении Сковороды много «удивительно близкого» ему, и находил в украинском мыслителе органическое единство учения и избранного им образа жизни. Известны также высказывания о Сковороде Н.Лескова, М.Горького. Чрезвычайно характерным является интерес к наследию Сковороды профессионального революционера, соратника В.И.Ленина В.Д.Бонч-Бруевича, который в 1912 году издал с собственными комментариями том произведений украинского философа.

В послеоктябрьский период интерес к творчеству и мировоззрению Сковороды не только не исчез, но и значительно возрос. Нельзя не заметить влияния идей Сковороды на характер идейно-эстетического осмысления действительности П.Тычиной, в творчестве которого образ Сковороды занимает очень видное место. Писали о Сковороде и М.Рыльский, А.Малышко, В.Симоненко, русские советские поэты Н.Заболоцкий, Е.Винокуров и многие другие. Тема Сковороды является одной из самых любимых и у мастеров украинской советской живописи и скульптуры, в частности у И.Ижакевича, К.Трохименко, В.Касияна, Т.Яблонской, И.Кавалеридзе и др.

Частое обращение к философскому и художественно-эстетическому осмыслению биографии и идейного наследия Сковороды – свидетельство того, какое значительное место в нашем сознании занимает мыслитель, со дня рождения которого прошло вот уже 250 лет.

В Советской стране память Григория Сковороды увековечена еще на заре Советской власти. 30 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров принял постановление, подписанное В.И.Лениным, о сооружении в Москве памятников выдающимся деятелям революции, науки и культуры. И среди других выдающихся имен зарубежных и отечественных деятелей стоит имя Григория Сковороды. В дни, когда готовится предлагаемое читателю издание сочинений Сковороды, советская общественность широко отмечает 250-летие со дня рождения Г.С.Сковороды.

Отмечая этот юбилей, мы должны помнить слова В.И.Ленина, сказанные В.Д.Бонч-Бруевичу после подписания постановления Совета Народных Комиссаров: «...и вот когда придет время ставить памятник Сковороде, вы должны выступить и пояснить народу, кто был Сковорода, какое значение он имел для жизни русского и украинского народов»*. Разработка философского наследия, в том числе и издание настоящего собрания сочинений выдающегося мыслителя и художника слова, несомненно, будет способствовать выполнению ленинского указания.

* В. Д. Бонч-Бруевич. Про Г. С. Сковороду. – «Радянське літературознавство», 1958, № 3, стор. 91.

Идеи гуманизма, за которые боролся Сковорода, являются звеньями, объединяющими идейное наследие мыслителя с духовными поисками нашей эпохи. Защита высоких духовных ценностей от попрания их властью чистогана и корыстолюбия, проповедь моральной ответственности человека и общества за свои поступки, призыв к постоянному духовному усовершенствованию и возвеличению «сродного труда» как источника истинного наслаждения и настоящего счастья делают Сковороду близким нашему сознанию.

Многие из проблем, которым посвятил свое учение мыслитель, волнуют и сегодня. Философское наследие Сковороды в этом отношении представляет собой одну из ценнейших духовных сокровищниц народа.

М.И.Ковалинский

ЖИЗНЬ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Написанная 1794 года в древнем вкусе

Non omnis moriar (Horatius)

Во всем существующем есть нечто главное и всеобщее: в нечленовных ископаемых – земля; в растительных – вода; в животных – огонь; в человеке – разум и так далее.

Каждое бытие составляет особый круг, или мир свой, с различиями, делимостью, раздроблениями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность, сих кругов имеет над собою и в себе главнейшее, всемирное, верховное, единое начало: все тем были.

Сие, распространяясь, разделяясь в способности, силе, свойствах, постепенности, осуществляет невидимые бытия разнообразно и, в снисхождении своем сгущаясь, составляет в человеке мысленность, в животных – чувство, в растительных – движение, в нечленовных ископаемых – существование.

Человек, то есть воплощенная способность мыслящая, в сем начале живет, движется и есть.

Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая сила едина – ум, жизнь, движение, существование, – изливаясь из непостижимости в явление, из вечности – во всеобширность времени, из единства исключительного – до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяет оному от главности своей благороднейшее преимущество – свободную волю.

На сей главизне, корне, начале основывается власть правительств, держава владык, сила царей, любовь родителей, честь мудрых, слава добродетельных, память праведных.

Множественность вносит различие, а сие предполагает неравенство и несовершенство; свободная воля предполагает выбор; сей же – нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное и искать предпочтительно. Отсюда происходит подвиг искания, и подвижник истины называется мудрый, а дело его – добродетель.

Парфянин и мидянин, иудей и эллин, раб и свободный равно участвуют в сем преимуществе всемирного, верховного, единого начала.

Подвиг, то есть правильное употребление свободной воли, делает разделения; и сей подвиг в выборе истинного, доброго, совершенного есть правда, воздающая всякому свое: полная – полным и тщетная – тщетным. Почему мудрый и праведный есть то же.

Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмою, истиною и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, звании, степени есть мудрый, есть праведный.

Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово.

Григорий, сын Саввы, Сковорода родился в Малой России, Киевского наместничества, Лубенской округи, в селе Чернухах в 1722 году. Родители его были из простолюдовства: отец – казак, мать – такого же рода. Они имели состояние мещанское, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, странноприимством, набожеством, миролюбивым соседством отличались в своем кругу.

Сей сын их, Григорий, по седьмому году от рождения приметен был склонностью к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твердостью духа. В церкви ходил он самоохотно на клирос и певал отменно, приятно. Любимое же и всегда почти твердое им пение его было сей Иоанна Дамаскина стих: «Образу златому, на поле Деире служиму, трие твои отроцы не брегоша безбожного веления» и проч.

По охоте его отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками. Григорий скоро превзошел сверстников своих успехами и похвалами. Митрополит Киевский Самуил Миславский, человек отличной остроты разума и редких способностей к наукам, будучи тогда соучеником его, оставался во всем ниже его при величайшем соревновании своем.

Тогда царствовала императрица Елизавета, любительница музыки и Малороссии. Дарования Сковороды к музыке и отменно приятный голос его подали случай быть ему выбранным ко двору в певческую музыку, куда и отправлен был он при вступлении на престол государыни.

Он не долго находился там. Императрица скоро предприняла путешествие в Киев и с нею весь круг двора. Сковорода, прибыв туда, при возвратном отбытии двора в С-Петербург, получив увольнение с чином придворного уставщика, остался в Киеве и опять начал учиться.

Круг наук, преподаваемых в Киеве, показался ему недостаточным. Он возжелал видеть чужие края. Скоро представился повод к сему, и он воспользовался им всеохотно.

От двора отправлен был в Венгрию к Токайским садам генерал-майор Вишневский, который для находившейся там греко-российской церкви хотел иметь церковников, способных к службе и пению. Сковорода, известный знанием музыки, голосом, желанием быть в чужих краях, разумением некоторых языков, представлен был Вишневскому одобрительно и взят им в покровительство.

Путешествуя с генералом сим, имел он случай с позволения его и с помощью его поехать из Венгрии в Вену, Офен, Пресбург и прочие окольные места, где, любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостью и знаниями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел эллинский, почему и способствовался сими доставить себе знакомство и приязнь ученых, а с ними новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве.

Возвратясь из чужих краев, наполнен ученостью, сведениями, знаниями, но с пустым карманом, в крайнем недостатке всего нужнейшего, проживал он у своих прежних приятелей и знакомых. Как и сих состояние не весьма зажиточно было, то искали они случая, как бы употребиться ему с пользою его и общественною. Скоро открылось место учителя поэзии в Переяславе, куда он и отправился по приглашению тамошнего епископа.

Сковорода, имея основательные и обширные знания в науках, нежели каковые тогда были в училищах провинциальных, написал рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной так новым образом, что епископу показалось странным и несообразным прежнему старинному обычаю. Епископ приказал переменить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу учения. Сковорода, уверен будучи в знании своем и точности дела сего, не согласился переменить и отставить написанные им правила для поэзии, которые были проще и вразумительнее для учащихся, да и совсем новое и точное понятие давали об оной. Епископ требовал от него письменного ответа образом судебным через консисторию, для чего он не выполнил повеления. Сковорода отвечал, что он полагается на суд всех знатоков в том, что рассуждение его о поэзии и руководство, написанное им, есть правильное и основанное на природе сего искусства. При том в объяснении прибавил латинскую пословицу: «*Alia res sceptrum, alia plectrum*», то есть: иное дело пастырский жезл, а иное пастушья свирель.

Епископ, обратив незнание свое в непослушание его и самомнение о учености своей в гордость и высокоумие его, дал своеручное повеление на докладе консистории следующее: «Да не живет в доме моем творящий гордыню». По сему Сковорода выгнан был из училища переяславского не с честью. Сей был первый опыт твердости духа его.

Недостатки стесняли его крайне, но нелюбостыжательный нрав его поддерживал в нем веселость его.

Он перешел из училища жить к приятелю своему, который знал цену достоинств его, но не знал стеснения нужд его. Сковорода не смел просить помощи, а приятель не вздумал спросить его о надобности. И так переносил он нужды скромно, молчаливо, терпеливо, безропотно, не имея тогда, как только две худые рубашки, один камлотный кафтан, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обрабатывала в нем сердце полезнейше и насеяла в нем семена терпения такие, которых плодами украсясь жизнь его сделала его мудрым и счастливым.

Не в далеком расстоянии имел жительство малороссийский знаменитый дворянин Стефан Томара, которому потребен был учитель для сына его.

Сковорода одобрен был ему от знакомых и приглашен им в деревню Каврай, где и поручен был ему сын в смотрение и науку.

Старик Томара от природы имел великий разум, и по службе обращаясь с иноземцами, приобрел нарочитые знания, однако придерживался много застарелых предубеждений, свойственных грубого воспитания людям, которые смотрят с презрением на все то, что не одето гербами и не расписано родословиями.

Сковорода начал больше возделывать сердце молодого воспитанника своего и, рассматривая природные склонности его, помогать только природе вращении направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обременять разум его науками – и воспитанник привязался к нему внутреннею любовью.

Целый год продолжалось обращение его с сыном, но отец никогда не удостоивал учителя ни одним словом разговора, хотя всякий день за столом он с воспитанником бывал у него. Чувствительно было такое унижение человеку, имевшему в низкой простоте благородное сердце. Но Сковорода сносил все то и, несмотря на презрение, на унижение его, исправлял должность свою по совестной обязанности. Договор был сделан на год, и он хотел сдержать слово свое.

В одно время, разговаривая он с воспитанником своим и видя любовь его к себе, а посему и обращаясь с ним откровенно и просто, спросил его, как он мыслит о том, что говорили. Воспитанник на тот случай отвечал неприлично. Сковорода возразил ему, что он мыслит о сем, как свиная голова. Служители тотчас донесли госпоже, что учитель называет шляхетского сына их свиною головою. Мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщения за такую дерзость. Старик Томара, зная внутренне цену учителя, но уступая настоянию жены, отказал ему от дому и должности и при отпуске его, в первый раз заговоря с ним, сказал ему: «Прости, государь мой! Мне жаль тебя!»

Тогда уже судьба начинала приуготовлять сердце его к несправедливостям людским, которые имел он испытать в продолжение жизни. Сковорода остался без места, без пропитания, без одежды, но не без надежды.

Убог, скуден, нужен приехал он к приятелю своему, одному сотнику переяславскому, человеку добродушному и страннолюбивому. Тут нечаянно представился ему случай ехать в Москву с Калиграфом, отправлявшимся в Московскую академию проповедником, с которым он, как приятель его, и поехал, а оттуда в Троице-Сергиеву лавру, где был тогда наместником многоученный Кирилл, бывший после епископом черниговским. Сей, увидя Сковороду, которого знал уже по слуху, и нашедши в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отечественному краю отвлекала его в Малороссию. Он возвратился опять в Переяслав, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла.

Дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, пресельником, странником, выделявал в нем сердце гражданина

всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу приклонить, сторицею больше вкушает удовольствий природы, удовольствий простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищах вечного.

Не успел приехать он в Переяслав, как разумный Томара поручил знакомым своим уговаривать его, чтоб опять к сыну определился он учителем. Сковорода не соглашался, зная предрассудки его, а паче домашних его, но приятель его, будучи упрошен от Томары, обманом привез его в деревню к нему ночью спящего.

Старик Томара не был уже тот гербовый вельможа, но ласковый дворянин, который хотел ценить людей по внутреннему достоинству их. Он обласкал его дружески, просил быть сыну его другом и руководствовать его в науках. Любовь и откровенное обхождение сильнее всего действовали всегда на Сковороду. Он остался у Томары с сердечным желанием быть полезным, без договора, без условий.

Уединение руководствует к размышлениям. Сковорода, поселясь в деревне, подчиня доуку нужд необходимых попечению любимого и возлюбившего его господина, обеспечив себя искренностью его, предался любомудрию, то есть исканию истины.

Часто в свободные часы от должности своей удалялся в поля, рощи, сады для размышления. Рано поутру заря спутница ему бывала в прогулках его и дубравы – собеседники глумлений его. Лета, дарования душевные, склонности природные, нужды житейские звали его попеременно к принятию какого-либо состояния жизни. Суетность и многозаботливость светская представлялась ему морем, обуреваемыми беспрестанно волнами житейскими и никогда плывущему к пристани душевного спокойствия не доставляющими. В монашестве, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей, за неимением исхода себе задушающих бытие смертоносно и жалостно. Брачное состояние, сколько ни одобрительно природою, но не приятствовало беспечному его нраву.

Не реша себя ни на какое состояние, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержанием, малодовольством, целомудрием, смирением, трудолюбием, терпением, благодушеством, простотою нравов, чистосердечием, оставить все искательства суетные, все попечения любостяжания, все трудности излишества. Такое самоотвержение сближало его благоуспешно с любомудрием.

Душа человеческая, повергаясь в состояния низших себя степеней, погружаясь в зверские страсти, предаваясь чувственности, собственной скотам, принимает на себя свойства и качества их: злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и проч.; возвышаясь же подвигом доброй воли выше скотских влечений, зверских побуждений и бессловесных стремлений, восходит на высоту чистоты умов, которых стихия есть свет, разум, мир, гармония, любовь, блаженство, и от оных заимствует некоторую силу величественности, светлости, разумения высшего, пространнейшего, далечайшего, яснейшего и превосходнейшей святости в чувства, которыми, преисполняясь внутренне, являет в воображении состояние бытия

человеческого иногда одобрительно, иногда наказательно, увещательно, предварительно и указательно.

Сковорода видел опыт сего порядка и силы природы в себе самом и описывает сие в оставшихся по нем записках своих так:

«В полночь, ноября 24 числа, 1758 года, в селе Каврай казалось во сне, будто я рассматриваю различные охоты жития человеческого по разным местам. В одном месте я был, где царские чертоги, наряды, музыки, плясания; где любящиеся то пели, то в зеркала смотрелись, то бегали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и проч. Оттуда повела меня сила к простому народу, где такие же действия, но особенным образом и порядком производились. Люди шли по улице со скляницами в руках, шумя, веселясь, шатаясь, как обыкновенно в черном народе бывает; так же и любовные дела сродным себе образом происходили у них. Тут, поставя в один ряд мужской, а в другой женский пол, рассматривали, кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть парюю. Отсюда вошел я в постоянные дома, где лошади, упряжь, сено, расплаты, споры и проч. слышал. Наконец, сила ввела меня в храм некий обширный и прекрасный: тут якобы в день сошествия святого духа служил я литургию с дьяконом и помню точно, что возглашал сие громко: «Ибо свят ты, боже наш» и проч. до конца. При сем по обоим хорам пето было протяжно: «Святый боже...» Сам же я, с дьяконом пред престолом до земли кланаясь, чувствовал внутренне сладчайшее удовольствие, которого изобразить не могу. Однако и тут человеческими пороками осквернено. Сребролюбие с кошельком таскается и, самого священника не минуя, почти вырывает в складку. От мясных обедов, которые в союзных почти храму комнатах отправляемы были, в которых из алтаря многие двери находились, во время литургии дух шибал до самой святой трапезы. Тут я видел следующее ужасное зрелище. Как некоторым не доставало к еде птичьих и звериных мяс, то они одетого в черную ризу человека, имевшего голые колена и убогие сандалии, убитого, в руках держа при огне, колена и икры жарили и мясо с истекающим жиром отрезая и отгрызая, жрали; и сие делали как бы некие служители. Я, не стерпя смрада и свирепства сего, отвратил очи и вышел. Сей сон не меньше усладил меня, как и устрошил».

Я пишу жизнь человека сего в христианском веке, стране, народе и исповедании. Да прочтут книгу христианства – Святое писание – и увидят, что человек столько же способен быть прозорливцем, во плоти ангелом, богочеловеком, как и зверем, неразумливый да не разумеет!

Сковорода начал чувствовать вкус в свободе от суетностей и пристрастий житейских в убогом, но беспечальном состоянии, в уединении, но без расстройки с самим собою. Лжемудрствующее самолюбие, сия приукрашенная дочь внешнего разума, не могло обаять сердце его. Величественное свойство мыслящего бытия – волю – углубил он со всем умствованием ее и желаниями в ничтожность свою и поверг себя в волю творца, предавшись всецело жизни и любви божией, дабы промысл его располагал им, как орудием своим, куда хочет и как хочет.

Когда человек исходит из круга самомнения, самопроизволения, самолюбия своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда чистый дух святой занимает все чувства его и восстанавливает царские истины, то есть возжигает в нем способности внутреннего чувства огнем любви своей. Тогда высокое познание и разумение по мере расположения внутреннего и внешнего возникает из средоточия всех вещей, как тончайший, пронизательнейший огонь, с неизъяснимым удовольствием поглощаясь бездною света. В таком состоянии чувство человека взирает на дух вседержителя с радостью и поклонением, и сим-то образом смиренное самоотвержение человеческое может созерцать то, что есть в вечности и во времени, ибо все близ его, все окрест его, все в нем есть.

Григорий, наполняясь живыми чувствами истины, изображал то пером в сочинениях простых, но сильных. Между прочими написал он стихи: «Оставь, о дух мой вскоре!..» Старик Томара, прочтя оные и узнав от него, что то была забава его, сказал ему: «Друг мой! Бог благословил тебя дарованием духа и слова».

Все время бытности его у Томары проходило в обучении сына его словесным наукам и языку, а себя – благочестию и самодовольству.

Наконец молодому воспитаннику его надлежало поступить в другой круг упражнений, пристойных по свету и по роду, а Сковороде судьба предуготовила звание издалече.

В Белгород прибыл на епископский престол Иоасаф Миткевич – муж, исполненный благосердия, добродетелей, учения. Сему архиерею был известен по законоискусству и по старой приятности игумен Гервасий Якубович, находившийся тогда в Переяславе. Иоасаф пригласил Гервасия разделить с ним епархиальные труды и дружественную жизнь. Гервасий приехал в Белгород и, видя ревность Иоасафа к наукам, представил ему о Сковороде одобрительнейше. Епископ вызвал его к себе через Гервасия. Сковорода немедленно прибыл и по воле Иоасафа принял должность учителя поэзии в Харьковском училище в 1759 году.

Отличный образ его мыслей, учения, жизни скоро обратил к нему внимание всего общества тамошнего. Он одевался пристойно, но просто; пищу имел, состоящую из зелий, плодов и молочных приправ, употреблял оную ввечеру, по захождении солнца; мяса и рыбы не вкушал не по суеверию, но по внутреннему своему расположению; для сна отделял он времени своего не более четырех часов в сутки; вставал до зари и, когда позволяла погода, всегда ходил пешком за город прогуливаться на чистый воздух и в сады; всегда весел, бодр, легок, подвижен, воздержан, целомудр, всем доволен, благодушествуя, унижен пред всеми, словоохотен, где не принужден говорить, из всего выводящий нравоучение, почтителен ко всякому состоянию людей, посещал больных, утешал печальных, разделял последнее с неимущими, выбирал и любил друзей по сердцу их, имел набожество без суеверия, ученость без кичения, обхождение без лести.

Год протек, и он, окончив срочное время, приехал к Иоасафу для препровождения обыкновенного в училищах времени отдохновения.

Епископ, желая удержать его более при училище, поручил Гервасию, как приятелю его, уговаривать его, чтоб принял он монашеское состояние, обещая довести его скоро до сана высокого духовенства. Гервасий начал советовать Сковороде, предлагая желание архиерея, благовидность пользы его, предстоящую ему в сем поприще честь, славу, изобилие всего, почтение и, по его мнению, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побуждения для сердца Сковороды. Он, выслушав сие, возревновал по истине и сказал Гервасию: «Разве вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести всенужнейшее, в отвержении всех прихотей, дабы сохранить себя самого в целостности, во обуздании самолюбия, дабы удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы божией, а не славы человеческой». Гервасий убеждал его милостию архиерея, дружбою своею, пользою церкви, но Сковорода, тверд духом и правилами, возразил ему в ответ: «Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушание мое к вам при сем случае». Гервасий, зная недостатки его и думая, что он, нуждаясь содержанием и знакомством в чужой стороне, должен будет согласиться на предложение его, оказал ему остуду. Григорий, приметя сие, решился скоро. На третий же день, дождавшись в передней выхода его, подошел сказать ему всемирнейше: «Прошу вашего высокопреподобия на путь мне благословения». Гервасий, не глядя на него, благословил его с досадою, а Сковорода, с миром отойдя, тотчас отправился к новому приятелю своему в деревню Старицу, в окрестности Белгорода.

Старица было место, изобильное лесами, водотечами, удолями, благоприятствующими глубокому уединению. Сковорода, поселясь там, паче всего прилежал к познанию себя и упражнялся в сочинениях, относительных к сему. В лишениях своих, призывая в помощь веру, не полагал оной в наружных обрядах одних, но во умерщвлении самопроизволения духа, то есть побуждений, от себялюбия происходящих; в заключение всех желаний своих в волю всеблагого и всемогущего творца по всем предприятиям, намерениям и делам. Он единственно занимался повелевать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать над порядком промысла божия, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отец Гервасий донес епископу об отзыве Сковороды на предложения его и об отбытии его. Добродушный Иоасаф не подосадовал, но только пожалел о нем. Между тем Григорий продолжал пустынножительство в Старице.

Нигде столь не обозревает себя человек, как в уединении, и не напрасно сказано древним мудрецом: уединенный должен быть или царь, или зверь. Перебороть скуку, проклятое исчадие недовольства, занять ум и сердце упражнениями достаточными, ублажить их есть дело не иначе, как мудрого, обладающего собою царя уединенного, священника божиего, понимающего вездесущее и всеисполнение духа господнего и поклоняющегося ему духом.

Сковорода, провожая там дни свои в бодрости духа, веселости, беспечалии, благонадежности, часто говаривал при посещающих его: «О свобода! О наука!»

Слух о необыкновенной жизни его и назидательном собеседовании привлек многих искателей знакомства его. Он, посещая некоторых по деревням, вздумал навестить Харьков. Некто из познакомившихся с ним, сделавшись приятелем его, просил, чтоб, будучи в Харькове, познакомился он с племянником его, молодым человеком, находившимся там для наук, и не оставил бы его добрым словом.

Сковорода приехал в Харьков, жил у знакомых своих несколько уже недель. В одно время, пришедши посетить училище и видя тут некоторых незнаемых им, спросил, не находится ли тут такой-то, племянник NN. Молодой тот человек случился на сие время быть там, и знакомые Сковороде сказали, что он самый тот есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбил его и возлюбил до самой смерти. После увидел сей молодой человек, что случай таковой был устроен для него перстом Божиим издалече.

Добрый пастырь Иоасаф, не теряя из виду Сковороды, желал всячески привлечь его опять в Харьковское училище и извлечь из дарований его пользу, которую он чувствовал во всей цене ее. Зная, что он не любит принужденности, пригласил его дружески и предложил ему должность учителя, какую хочет. Довольно было убедить Сковороду, чтоб дать только ему на выбор дело – то или другое. Он, имея в виду пользу, намереваемую для молодого нового друга своего, которого в сердце почитал уже таковым, как после сам о сем изъяснялся, рад был призыву епископа и взял предложение его всеохотно, с тем чтоб преподавать ему класс, ниже прежнего, синтаксический. Сверх того, взялся обучать эллинскому языку.

Прибыв из Белгорода в Харьков и вступя в должность, нашел он любимого своего молодого человека, который, однако, не знал и не смел мыслить, чтоб мог быть достойным дружбы его, хотя любил и удивлялся философской жизни его и внутренне почитал его.

Григорий часто начал посещать его и, по склонности молодого человека, занимать его музыкой и чтением книг, служивших поводом к разговорам и нравоучению. Открыв в молодом человеке сердце, какового желал он, и способности природные, каковые любил он, обратил внимание свое на удобрение разума его и духа.

Молодой сей человек, будучи воспитываем до сего полуучеными школьными учителями, частью монахами, в руках которых тогда святилища наук находились, которые и положили ему в голову мнения о вещах странные, часто слыша от Сковороды противное тому и не могли согласить в понятии своем новых правил со старыми, видя же на самом деле жизнь его добродетельную, целомудрую, примерную, сомневался сам в себе и сожалел душевно, что такой добродетельный муж имел несогласные с учеными мнения и правила, особливо же до нравоучения и духовных знаний относительно, а посему и в заблуждениях находился.

Все книгоучители-наставники его, да и весь свет, словом и делом внушали ему, что счастье человеческое состоит в том, чтобы иметь всего много: много чего есть, много чего пить, много во что одеваться и в утехах празднично веселиться. Сковорода один начал говорить ему: чтоб быть истинно счастливым, то все оное не нужно; что ограничение желаний, отвержение излишеств, обуздание прихотствующей воли, трудолюбие, исправление должности, в которую промысел божий поставил кого, не за страх, но за совесть, суть пути к счастью. Сковорода говорил сие и жил так.

Веломудрые учили его, что добродетель гражданская одна есть ничто пред верховным существом, что Марк Аврелий, Тит, Сократ, Платон и прочие славные в древности великими делами и сердцем люди должны быть несчастливы, потому что не имели исторического знания о вещах, случившихся после них. Сковорода утверждал, что во всех оных мужах действовал дух вышний, а посему и недостойны они осуждения, но почтения и подражания в любви к истине. И если бог есть истина, то они были верные служители его.

Философы, учившие молодого человека, толковали ему, что к такому, например, жизни состоянию больше и особенно привязано благословение божие, а к иному меньше или же и проклятие, что ведение таинств и выполнение обрядов таинстводства есть совершенство и высота человека. Сковорода учил, что все состояния суть добры и бог, разделяя членов общества, никого не обидел; проклятия же налагает он только на сынов противления, которые, не вняв себе и не последуя званию природы, вступают в состояния по страстям, по обманчивым видам, по прихотям. И понеже не испытали они в себе склонности врожденной, то и предал их верховный раздаятель дарований в неискусен ум, да творят неподобное и будут прокляты, то есть несчастливы. Сковорода учил, что совершенство человека состоит в делании истинной пользы ближнему и что таинства и обряды таинстводства относительно к слову, а царствие божие есть в силе или в деле.

Молодой человек, напоен будучи измлада преуверениями, слушая Сковороду, восчувствовал в себе возбужденную борьбу мыслей и не знал, чем разрешить оную. Прочие учителя его внушали ему отвращение к Сковороде, запрещали иметь знакомство с ним, слушать разговоров его и даже видеться с ним. Он любил сердце его, но дичился разума его; почитал жизнь, но не вмещал в ум рассуждений его; уважал добродетели, но устранялся мнений его; видел чистоту нравов, но не узнавал истины разума его; желал бы быть другом, но не учеником его. Трудно изгладить первые впечатления. Сковорода продолжал преподавать синтаксис и эллинский язык общественно, а любимого своего молодого человека обучал особенно греческому языку и чтению древних книг, из которых любимейшие им были следующие писатели: Плутарх, Филон Иудеянин, Цицерон, Гораций, Лукиан, Климент Александрийский, Ориген, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник, а из новых относительно к сим; глава же всем – Библия. Сила, содержание и конец учебного их упражнения было сердце, то есть основание блаженной жизни.

Предприняв перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлений истины, писал он к нему письма почти ежедневно, дабы, побуждая его к ответствованию, хотя кратко, на оные, приучить его мыслить, рассуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предрассудки, возбуждаемые различием мнений, не позволяли сомнениям в юноше искорениться. Странное происшествие истребило оные до основания, и сие так описано в поденных записках сего молодого человека:

«1763 года, будучи я занят размышлениями о правилах, внушаемых мне Сковородою и находя в уме моем оные несогласными с образом мыслей прочих, желал сердечно, чтоб кто-либо просветил меня в истине. В таком расположении находясь и поставя себя в возможную чистоту сердца, видел я следующий сон.

Казалось, что на небе, от одного края до другого, по всему пространству оною, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвета, и золотые слова оные казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сияли прозрачно светом и не совокупно написаны по лицу небесного пространства, но складами, по слогам и содержали следующее и точно таким образом: память – святых – мученик – А-на-ни-я – А-за-ри-я – Ми-са-и-ла. Из сих золотых слов сыпались огненные искры, подобно как в кузнице из раздуваемых сильно мехами угольев, и падали стремительно на Григория Сковороду. Он стоял на земле, подняв вверх прямо правую руку и левую ногу, в виде проповедующего Иоанна Крестителя, которого живописцы некоторые в изображениях представляют в таком расположении тела и каковым Сковорода тут же мне вообразился. Я стоял близ его, и некоторые искры из падающих на него, отскакивая, падали на меня и производили во мне некую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согревание и неизъяснимое удовольствие духа. Я в исполнении сладчайшего чувствования проснулся.

Поутру, встав рано, пересказал я сие видение странное почтенному и добродетельному старику троицкому священнику Борису, у которого я имел квартиру. Старик, подумав, сказал мне с умилением: «Ах, молодой человек! Слушайте вы сего мужа: он послан вам от бога быть ангелом-руководителем и наставником». С того часа молодой сей человек преданся вседушно дружбе Григория, и с сего времени я в продолжение писания сего буду называть его другом по превосходству.

Представившиеся в великолепном виде написанные на небесах имена трех отроков были тех самых, которых история изображена в том любимом Сковородою Дамаскиновом стихе, который пел он при всяком случае в молодости своей по некоему машинальному побуждению, как о сем упомянуто в начале сего. Ни Сковорода о любимом сем стихе, ни друг его о виденном им никогда друг другу не рассказывали и не знали. По прошествии тридцати одного года, за два месяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего в деревне и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянул о том стихе Дамаскиновом, что он всегда почти имел в устах его и, сам не зная почему, любил его паче прочих пений. Друг, сие услыша тогда и приведя на

память виденное им во сне за тридесять один год назад, в молчании удивлялся гармонии чудесной, которая в различные лета, в разных местах то одному в уста, что другому после в воображение полагала, в возбуждение сердец их к выполнению и явлению разума и силы истории оной на самом деле, в жизни их. Впрочем, друг его никогда ему о сем виденном не говорил и после.

Ежели по духовному разуму истории образ златой, на поле Деире служимый, есть мир сей, поле Деирово – время, печь огненная – плоть наша, разжигаемая желаньями, похотениями, суестрастиями, пламенями, жгущими дух наш; если трое отроков, не послужившие твари и не брегшие поклониться идолу златому, суть три главнейшие способности человеческие: ум, воля и деяние, не покоряющиеся духу мира сего, во зле лежащего, и не повреждены огнем любострастной плоти, но, прохладяясь свыше духом святым, песнословно изображают деу-богоматерь, девственное сердце, непорочность души человеческой; то огонь, падающий изобильными струями на Григория Сковороду из златовидных имен, написанных на небесах, трех отроков израильских, есть тайнообразовательное свидетельство почивающего на нем духа божиего.

Друг его начал давать место в мыслях и в сердце своем мнениям и правилам его и нечувствительно увидел себя на пути светлом чистого ума и несмущенного духа.

Сковорода, захотев возбудить мыслящую силу друга своего поучаться не в книгах одних, но паче в самом себе, откуда все книги родятся, часто в беседах с ним разделял человека надвое: на внутреннего и внешнего, называя одного вечным, а другого – временным; того – небесным, сего – земным; того – духовным, сего – душевным; одного – творческим, сего – тварным. По сему разделению в одном и том же человеке усматривал он два ума, две воли, два закона, две жизни. Первого по божественному роду его именовал он царем, господом, началом; другого же по земному бытию его – рабом, орудием, подножием, тварью. И как первому по преимуществу его принадлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовал повиноваться, служить, последовать воле его, то в надлежащее соблюдение порядка сего святейшей природы приучал он себя во всех деяниях жизни придерживаться тайного гласа внутреннего, невидимого и неизъяснимого мановения духа, которое есть глас воли божией и которое люди, чувствуя втайне и последуя движению его, ублажаются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя его, окаиваются. Он, испытав на самом деле святость тайного руководства сего, возбуждал внимание в друге своем и в прочих к сему святилищу внутренней силы божией и часто приглашал прислушиваться к изречениям сего прорицалища нетленного духа, которого голос раздается в сердцах непорочных, как друга, в развращенных, как судьи, в непокорных, как мстителя. Он называл его тем первобытным законом человеков, о котором говорит Святое писание: «Нетленный дух твой есть во всех; тем же заблуждающих помалу обличаешь, и в них же согрешают, вспоминая, учишь, да, пременившись от злобы, веруют в тебя, господи!» Он утверждал, что сей

был тот самый гений, которому, последуя во всем, добродушный Сократ, как наставнику своему, достиг степени мудрого, то есть счастливого.

Он говаривал с сильным убеждением истины: «Посмотри на человека и узнай его! Кому подобен истинный человек, господствующий во плоти? Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди же: не стебель с ветвями есть колос, не солома его, не полова, не наружная кожица, одевающая зерно, и не тело зерна, но колос есть самая сила, образующая стебель, солому, тело зерна и проч., в которой силе все оное заключается невидимо. Она производит все то в явление весною, когда вся внешность на зерне согнила, дабы не причтено было плодоейство мертвой земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому богу, тайною своею десницею вседействующему, дабы он един был во всем глава, вся же внешность прочая – пята. От колоса поступи к человеку. В колосе видел ты солому, полову, кожицу, но не там бог. Где же? В невидимой силе растительной господь бог произрастил нам колос невидимую силою. Посмотри же на телесность человека: не там сила божия! Она в невидимости его закрылась. Подними же от земной плоти мысли твои и уразумей человека в себе, от бога рожденного, не сотворенного в последнее жития время! Сила растительная зерна глава тела всего есть, тайная действительность невидимого бога: познай в себе силу разумную, глагол божий, слово вечное, десницу Божию, закон, власть, царство, невидимость, образ отца небесного! Раскрой сердце твое для принятия веры и для объятия того человека, который отцу своему небесному вместо силы его и вместо десницы его есть во веки веков. Сие семя твое, зерно твое есть пространнее небес и земных кругов, видимое сие небо и земля сия в нем сокрываются и тебе ли сие семя сохранить не сможет? Ах! Будь уверен, что и самый нечувствительный волос головы твоей, потеряв наличность свою, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, ублажится! О семя благословенное, человек истинный, божий! Вся видимость есть подножие его. Сам он в себе носит царство, онебеся всякого просвещаемого им и восполняя своим всеисполнением, воссев на месте отца небесного вовеки».

Сим немногим известным правилом водясь, он принимал на себя должности, располагал упражнения свои и забавы, переменял нечаянно местопребывания, делал знакомства, вступал в приязни, принимал в дружбу свою и не прежде решался делать что-либо зависящее от единственного выбора воли его, как посоветуясь с внутренним духом, которого он называл иногда Минервою. Ибо, как Минерва, по баснословию, рождена из мозга Юпитероваго, так дух наш происходит от бога.

Как бог дает дарования духа не в одну меру, но различно, по различию отраслей всецелого, то людей, вступающих в состояние жизни не по врожденной способности, называл Скворода людьми без Минервы. Так часто, видя робкого военачальника, грабителя судью, гордого богослова и проч., с досадою говаривал: «Вот люди без Минервы!» Взглянув на изображение царствующей в веке его Екатерины II, находившееся у друга его в гостином покое, сказал он с движением: «Вот голова с Минервою!».

Он мыслил, что счастье человека состоит в том, чтоб, узнав собственную в себе способность, по оной употребить себя в жизни. Так, многие богословы были бы, может быть, лучшими стряпчими по делам, многие ученые – разносчиками, многие судьи – пахарями, военачальники – пастухами, монахи – целовальниками и проч.

Отсюда, заключал он, происходит, что одно и то же самое состояние жизни одного ублажает, а другого окаянствует; одного воинский сан прославляет, а другого посрамляет; одного царский венец приукрашает благословением, славою, бессмертием, а другого низвергает во тьму кромешную с проклятием имени его; одного богословие делает светильником мира, обладателем над сердцами, славным без славы, почетным без почестей, а другого – обманщиком, лицемером, лжецом высоко-мудрствующим; одного учение возвысило до небес, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодетеля, а другому – разбойника; одному начальство в похвалу и честь, а другому – в хулу и поношение; одного монашество осветило, а другого очернило и погубило вовеки...

Такое правдивое, но для многих колкое изъяснение скоро навлекло ему брань. Ложь и порок вооружили на него орудия свои в лицах многих. Но рука господня была с ним, и он превозмогал ею все наветы глупых и злых людей.

Занимаясь много другом своим, возводя ум его выше обыкновенных познаний, наведывался он искоренить в нем предубеждения, напечатленные от невежд и бабьих басней. Приметя, что страх смерти и боязнь мертвых обладали мучительно воображением его, предлагал он ему важные чтения, разрушающие сие ужасное мнение; беседовал часто о начале и раснащении существ каждого в свое основание, говоря, что венцу подобен век: начало и конец в единой точке заключаются. От зерна колос в зерно возвращается, от семени в семя яблоня закрывается, земля в путь земли идет и дух к духу. «Какое, – так рассуждал он, – есть основание первоначальное тварей?» Ничто. Воля вечная, возжелав облечь совершенства свои в явление видимости, из ничего произвела все то, что существует мысленно и телесно. Сии желания воли вечной оделись в мысленности, и мысленности – в виды, виды – в вещественные образы. Назначено поприще или круг каждому существу по образу вечного явить силы свои, то есть изливание невидимого во временной видимости, и опять вступить в свое начало, то есть в свое ничто. Край первый и край последний есть едино, и сие едино есть бог. Все твари, вся природа суть приятелище, риза, орудие; все сие обветшает, совьется, изменится; один дух божий, исполняющий Вселенную, пребывает вовеки. Богочеловек наш, говорил он, есть венец наш: не умираем, но изменяемся от смерти в жизнь, от тления в нетление. Умирают и умерли уже, им же бог – чрево их, и слава их – в стыде их. Грядет час и ныне есть, когда мертвые услышат голос сына божиего и, услышав, оживут. Если же и ныне час есть, то почто на утро, на тысячу лет, на несколько веков и кругообращений планет откладываем жизнь, смерть, воскресение, суд, голос сына божиего. Нося уже в себе огонь неугасаемый

мучительных желаний и чувствий и червь неусыпаемый угрызений совести, можем ли сказать, что мы еще не осуждены, что голос сына божиего не слышится в нас еще, что труба божия не извела еще к нам судию страшного, праведного, судящего и слышит он сердце наше?

Не довольствуясь беседою о сем, приглашал он друга своего в летнее время прогуливаться поздно вечером за город и нечувствительно доводил его до кладбища городского. Тут, ходя в полночь между могил и видимых на песчаном месте от ветра разрытых гробов, разговаривал о безрассудной страшливости людской, возбуждаемой в воображении их от усопших тел. Иногда пел там что-либо приличное благодушеству; иногда же, удалясь в близлежащую рощу, играл на флейтравере, оставя друга молодого между гробов одного, якобы для того, чтоб издали ему приятнее было слушать музыку. Сей, неприметно освобождаясь от пустых впечатлений, мечтательных страхов, в спокойствии сердечном внутренне воссылал благодарение промыслу божиему за ниспослание ему мудрого друга и наставника.

В 1764 году друг его вознамерился поехать в Киев для любопытства. Сковорода решился сопутствовать ему, куда и отправились они в августе месяце.

По приезде туда, при обозревании древностей тамошних, Сковорода был ему истолкователем истории места, нравов и древних обычаев и побудителем к подражанию духовного благочестия почивающих там усопших святых, но не жизни живого монашества.

Многие из соучеников его бывших, из знакомых, из родственников, будучи тогда монахами в Печерской лавре, напали на него неотступно, говоря кругом:

– Полно бродить по свету! Пора пристать к гавани, нам известны твои таланты, святая лавра примет тебя, как мать свое дитя, ты будешь столб церкви и украшение обители.

– Ах, преподобные! – возразил он с горячностью. – Я столботворения умножать собою не хочу, довольно и вас, столбов неотесанных, во храме божием.

За сим приветствием старцы замолчали, а Сковорода, смотря на них, продолжал: «Риза, риза! Сколь немногих ты опреподобила! Сколь многих окаянствовала, очаровала. Мир ловит людей разными сетями, накрывая оные богатствами, почестями, славою, друзьями, знакомствами, покровительством, выгодами, утехами и святынею, но всех несчастнее сеть последняя. Блажен, кто святость сердца, то есть счастье свое, не сокрыл в ризу, но в волю господню!»

Монахи-старцы переменялись в лице, слушая сие; но звон позвал их, и они поспешили на молитву. Один из них просил Сковороду с другом его на завтра прогуляться за обитель. Согласясь, пошли все трое и сели на горе над Днепром. Отец Каллистрат (так назывался он), обняв тут Сковороду, сказал: «О мудрый муж! Я и сам так мыслю, как ты вчера говорил пред нашею братиею, но не смел никогда следовать мыслям моим. Я чувствую, что я не рожден к сему черному наряду и введен в оный одним видом

благочестия, и мучу жизнь мою. Могу ли я?..» Сковорода отвечал: «От человека не возможно, от бога же все возможно».

По прошествии нескольких дней надлежало другу его возвращаться восвояси. Сковорода, будучи упрощен родственником своим, соборным печерским типографом Иустином, остался в Киеве.

Не прошло двух месяцев, как он приехал из Киева опять в Харьков. Украину предпочитал он Малороссии за воздух и воды. Реки почти все цветут в Малороссии, отчего и воздух имеет гнилость. Он обыкновенно называл Малороссию матерью потому, что родился там, а Украину – теткою по жительству его в оной и по любви к ней.

В Харькове был губернатором Евдоким Алексеевич Щербинин – человек, не имевший учебного воспитания, но одаренный природным здравым разумом, любитель наук, талантов, музыки, в которой и сам он был весьма искусен и знающ. Наслышась о Сковороде, призвал он его к себе и, поговоря с ним, сказал ему:

– Честный человек! Для чего не возьмешь ты себе никакого известного состояния?

– Милостивый государь, – отвечал Сковорода. – Свет подобен театру: чтоб представить на театре игру с успехом и похвалою, то берут роли по способностям. Действующее лицо на театре не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго рассуждал о сем и по многом испытании себя увидел, что не могу представить на театре света никакого лица удачно, кроме низкого, простого, беспечного, уединенного: я сию роль выбрал, взял и доволен.

Губернатор, посмотря на него с удовольствием, полюбил его и сказал предстоящим:

– Вот умный человек! Он прямо счастлив; меньше было бы на свете дурачеств и неудовольствий, если бы люди так мыслили.

– Но, друг мой! – продолжал Щербинин, отведя его особенно из круга. – Может быть, ты имеешь способности к другим состояниям, в общежитии полезным, да привычка, мнение, предубеждение...

– Если бы я почувствовал сего дня, – прервал речь Сковорода, – что могу без робости рубить «турков, то с сего же дня привязал бы я гусарскую саблю и, надев кивер, пошел бы служить в войско. Труд при врожденной склонности есть удовольствие. Пес бережет стадо день и ночь поврожденной любви и терзает волка по врожденной склонности, несмотря на то что и сам подвергается опасности быть растерзанным хищниками. Ни конь, ни свинья не сделают сего, понеже не имеют природы к тому. Склонность, охота, удовольствие, природа, сила божия, бог есть то же. Есть склонности, есть природы злые, и сии суть явление гнева божиего. Человек есть орудие, свободно и вольно подчиняющее себя действию или любви божией, то есть жизни, или гнева божиего, то есть суда, добра или зла, света или тьмы. Сие напечатлено ощутительно на кругообращении дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, вечности и времени. Бог есть бог жизни, или любви, и бог суда, или гнева. Все твари суть грубые служебные органы свойств сих верховного существа; один человек есть благороднейшее

орудие его, имеющее преимущество свободы и полную волю избрания, а потому и цену и отчет за употребление права сего в себе держащее. Отсюда, естественно, происходит понятие о правосудии, милосердии и благодати в творце. А когда в творце, то и в тварях, наипаче же приближенных к нему даром разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, достояния, отсюда родители, цари, начальники, воины, судьи, господа, рабы; но один бог во всех и все в нем.

Щербинин в сладость послушал его и убеждал его ходить к нему чаще.

Сковорода, держась приличия того лица, которое избрал он представлять на театре жизни, всегда удалялся от знатных особ, великих обществ и чиновных знакомств: любил быть в малом кругу непринужденного обращения с людьми откровенными; предпочитал чистосердечное обхождение паче всяких ласкательных приемов, в собраниях занимал всегда последнее место, ниже всех и неохотно входил в беседу с незнакомыми, кроме простолюдинов.

Любимое, но не главное упражнение его была музыка, которою он занимался для забавы и препровождал праздное время. Он сочинил духовные концерты, положи некоторые псалмы на музыку, так же и стихи, певаемые во время литургии, которых музыка преисполнена гармонии простой, но важной, проникающей, пленяющей, умиляющей. Он имел особую склонность и вкус к ароматическому роду музыки. Сверх церковной, он сочинил многие песни в стихах и сам играл на скрипке, флейтравере, бандуре и гусях приятно и со вкусом.

В 1766 году по повелению благополучно царствующей Екатерины II к харьковским училищам по предстательству Щербинина прибавлены некоторые науки под названием прибавочных классов. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравия. Начальство признало способнейшим к сему Сковороду и пригласило его. Он охотнейше принял сие предложение и не захотел брать определенного за класс сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствие, которое находит он быть в сем случае полезным по склонности своей, заменяет ему всякую мзду. По сему поводу написал он в то время сочинение, известное под сим именем: «Начальная дверь к христианскому добронравию для молодого шляхетства Харьковской губернии».

Сочинение сие содержало в себе простые истины, краткие коренные познания должностей, относительных до общежития. Все просвещенные люди признавали в оном чистые понятия, справедливые мысли, основательные рассуждения, чувствительные побуждения, благородные правила, движущие сердце к подобному себе концу высокому.

Но как все то основывалось на познании бога и достойном почтении оного, то епископ белгородский, бывший тогда епархиальным, почитая такое рассуждение в устах светского человека за похищение власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гонением; требовал книжицу на рассмотрение; нашел некоторые неясности для него и сомнения в речах и образ учения, не соответствующий обыкновенному правилу, почему и

препоручил своим спросить Сковороду, для чего он преподавал наставления христианского благонравия различным образом от обыкновенного. Сковорода отвечал: «Дворянство различествует одеянием от черни народной и монахов. Для чего же не иметь оному и понятий различных о том, что нужно знать ему в жизни? Так ли, – продолжал он в ответ, – государя понимает и почитает пастух и земледелец, как министр его, военачальник, градоначальник? Подобно и дворянству такие ли прилично иметь мысли о верховном существе, какие в монастырских уставах и школьных уроках?» По сем ответе все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духом, удалился в глубокое уединение. Близ Харькова есть место, называемое Гужвинское, принадлежащее помещикам Земборским, которых любил он за добродушие их. Оно покрыто угрюмым лесом, в середине которого находился пчельник с одною хижинюю. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословий духовенства.

Предавшись на свободе размышлениям и ограждая спокойствие духа безмолвием, бесстрашием, бессуетностью, написал он тут первое сочинение свое в образе книги, названное им «Наркисс, или о том: познай себя». Прежние его, до того написанные малые сочинения были только отрывочные, в стихах и прозе.

Продолжая там же свое пустынножителство, написал он другое сочинение, под именем: «Книга Асхань, о познании себя самого», которое приписал другу своему.

Лжемудрое высокоумие, не в силах будучи вредить ему злословием, употребило другое орудие – клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждает употребление мяса и вина и сам чуждается оных. А как известно, что такое учение есть ересь манихейская, проклята от святых соборов, то законословы и дали ему прилагательное имя манихейского ученика. Сверх того, доказывали, что он называет вредными сами по себе золото, серебро, драгоценные вещи, одежды и проч. Как же бог ничего вредного не сотворил, а все те вещи им созданы, то и заключали, что он богохульник.

Притом поскольку Сковорода удаляется от людей, чуждается обществ и избегает состояния в общежитии, скрывается в леса, то и выводили естественным последствием, что он не имеет любви к ближнему, а потому и называли его мизантропом, то есть человеконенавистником.

Сковорода, узнав о сем и не желая, чтоб добрые и простодушные сердца соблазнились о нем сими разглашениями клеветы, явился в город и, найдя в одном собрании приличный случай к объяснению правил своих, говорил так:

– Было время и теперь бывает, что для внутренней моей экономии воздерживаюсь я от мяса и вина. Но потому ли лекарь осуждает, например, чеснок, когда велит поудержаться от употребления одного тому, у кого вредный жар вступил в глаза? Все благосотворено от всещедрого творца, но не всем всегда бывает полезно. Правда, что я советовал некоторым, дабы они осторожно поступали с вином и мясом, а иногда и совсем от того отводил их, рассуждая горячую молодость их. Но когда отец младолетнему

сыну вырывает из рук нож и не дает ему употребления оружейного пороха, сам, однако же, пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сын еще не может владеть правильно теми вещами и обращать их в пользу, ради которой они изобретены? Вот почему приняли меня за манихейского ученика. Не ложно то, что всякий род пищи и питания есть полезен и добр; но надлежит брать в рассуждение время, место, меру, особу. Не бедственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крепкой водки? Или не смешно ли работавшему в поте лица весь день на стуже дровосеку подать стакан молока в подкрепление сил его? Как же несправедливо почли меня за манихея, так и недостойно за человеконенавистника и ругателя даров божиих.

Когда бог определил мне в низком лице быть на театре света сего, то должно уже мне и в наряде, в одеянии, в поступках и в обращении со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми соблюдать благопристойность, уважение и всегда помнить мою ничтожность пред ними. Сие сам я стараясь сохранить и прочим советовал делать так же, отчего и попал я в оклеветание. Оглагольники мои, если бы приписывали мне обыкновенные слабости или пороки, то сносно было бы мне; но сии языковредные, представляя меня развращающим нравы, делают меня еще душегубителем, то есть еретиком, и под сим видом запрещают, отговаривают, отсоветывают вступать со мною в знакомство, в беседу, в обращение. Я говаривал молодым людям советоваться со своею природою, чтоб они на зрелище жизни могли сохранить благопристойность, приличную искусным действующим лицам; а если кто взял роль, не совсем сродную ему, то старался бы как можно удачнее оную представить и поступать без соблазнов, дабы хотя несколько жалобы между людьми и роптания пред богом на состояния свои уменьшились.

Слушавшие тут друг на друга взглядывали, и никто ни слова не сказал ему на сие. Скворода, поклонясь всем, отправился тогда же в уединение.

В Изюмском округе, Харьковской губернии, имели жительство дворяне Сошальские, которых брат меньший просил тут же Сквороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребывание в деревне его, где все по вкусу и охоте своей он мог найти, как и самого хозяина, ищущего любви его. Скворода поехал с ним в деревню его Гусинку, полюбил место и хозяев и поселился в недалеком расстоянии от деревни, в пасеке их. Тишина, безмятежие, свобода возбудили в нем все чувства тех драгоценных удовольствий, которые опытом известны одним мудрым и целомудрым. «Многие говорят (так писал он к другу своему): что делает в жизни Скворода? Чем забавляется? Я же во господе возрадуюсь, возвеселюсь о боге, спасе моем! Радование есть цвет человеческой жизни, – продолжал он, – оно есть главная точка всех подвигов; все дела каждой жизни сюда текут. Суть некие, как без главной точки живущие, без цели, без пристани плывущие. Но о развращенных я не говорю: свое всякому радование мило. Я же поглумлюсь, позабавлюсь в заповедях вечного. Все исходит в скуку и омерзение, кроме сей забавы, и пути ее – пути вечные».

Между сим круг жизни друга его доходил до той точки, на которой означаетсѧ двупутіе Геркулесово. Он вознамѣрился ехати в столицу для службы: в 1769 году отправился туда и прибыл в ноябрѣ.

Свет представился ему во всей великости своих прелестей. Потоп мыслей покрыл разум его, и бездна желаний отверзлась пред сердцем его. Но, приучась от наставника своего – Сковороды относиться во всех своих предпріятіях к мановенію внутреннегo духа, силою его пробудился от обаятельнаго удивленія и, три года проживя в столицѣ, всегда хранил под державою его, соблюл душевное спокойствіе. Блажен, если бы неуклонно во все текущія лета последовал сему великого совета ангелу!

В 1770 году Сковорода, согласясь с Сошальским, поехал в Киев. Родственник его, Иустин, был начальником Китаевской пустыни, что подле Киева. Сковорода поселился у него в монастырѣ и три мѣсяца провел тут с удовольствіем. Но вдруг приметил в себѣ внутреннее движеніе духа непонятное, побуждающее его ехати из Киева: следуя сему по своему обыкновенію, просит он Иустина, чтоб отпустил его в Харьков. Сей уговаривает его остаться. Григорій непреклонно настаивает, чтоб отправить его. Иустин закликает его всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположеніе Иустина к отпуску его, пошел в Киев к пріятелиам попросить, чтоб отправили его в Украину. Те удерживают его, он отговариваетсѧ, что ему дух настоятельно велит удалиться из Киева. Между сим пошел он на Подол, нижній город в Киевѣ. Прийдя на гору, откуда сходят на Подол, вдруг, остановясь, почувствовал он обоняніем такой сильнй запах мертвых трупов, что перенести не мог, и тотчас повернулся домой.

Дух убедительнее погнал его из города, и он с неудовольствіем отца Иустина, но с благоволеніем духа отправился в путь на другой же день.

Приехав через две недели в Ахтырку-город, остановился он в монастырѣ у пріятелиа своего – архимандрита Венедикта. Прекрасное местоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тут вдруг получили известіе, что в Киевѣ оказалась моровая язва, о которой в бытность его и не слышно было, и что город заперт уже.

Сердце его дотолѣ почитало бога, как раб; оттолѣ возлюбило его, как друг. И о сем он рассказывал другу своему так: «Имея разожженныя мысли и чувства души моея благоговеніем и благодарностию к богу, встав рано, пошел я в сад прогулятьсѧ. Первое ощущеніе, которое осязал я сердцем моим, была некая развязанность, свобода, бодрость, надежда с исполненіем. Введя в сие расположеніе духа всю волю и все желанія мои, почувствовал я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно излияніе некое сладчайшее наполнило душу мою, от которога все внутреннее мое возгорелось огнем, и, казалось, что в жилах моих пламенное теченіе кругообращалось. Я начал не ходить, но бегать, как бы носим неким восхищеніем, не чувствуя в себѣ ни рук, ни ног, но будто бы весь я состоял из огненнаго состава, носимого в пространствѣ кругобытія. Весь мир исчез предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствія, вечности оживляло существованіе мое.

Слезы полились из очей моих ручьями и разлили некую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил как сыновнее любви уверение и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение духу божиему».

По прошествии двадцати четырех лет пересказывал он сие другу своему с особенным чувствованием, давая знать, сколь близ нас есть бог, сколько промышляет о нас, хранит нас, как наседка птенцов своих, под крылья свои собрав, если мы только не удаляемся от него во мрачные желания воли нашей растленной.

Поживя несколько у отца Венедикта, отправился он опять в Гусинку к Сошальским, где и занялся упражнениями сочинений.

В 1772 году, в феврале месяце, друг его поехал в чужие края, и, быв во Франции в разных городах, прибыл в 1773 году в Швейцарию, в город Лозанну.

Между многими умными и учеными людьми, каковых в Лозанне нашел он, находился там некто Даниил Мейнгард, человек отменного разума природного, имевший дар слова, ученость редкую, обширные познания, благонравие философское. Он столько похож был чертами лица, обращением, образом мыслей, даром слова на Сковороду, что можно бы почесть его ближайшим родственником его. Друг Сковороды познакомился с ним, и они друг друга столько полюбили, что Мейнгард, имея у себя подле Лозанны прекрасный загородный дом, сад и величайшую библиотеку, просил его располагать оным всем в свое удовольствие, и сей пользовался всегда, как и многими сведениями от него.

Возвратясь из чужих краев и увидясь со Сковородою в 1775 году, рассказал ему друг его ту удивительную встречу, по которой он нашел в Лозанне похожего человека на него чертами лица, свойствами, образом мыслей и дружбою к нему. Сковорода возлюбил его заочно и с того времени начал подписывать на письмах и сочинениях своих имя свое так: Григорий вар (евр. сын) Савва Сковорода, Даниил Мейнгард.

И добрая и худая слава распространилась о нем во всей Украине, Малороссии и далее. Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его, может быть, за одну странность и необыкновенный образ жизни его, немногие же знали его таковым, каков он в самой точности был внутренне.

По разным обстоятельствам жывал он у многих: иногда местоположение по вкусу его, иногда же люди по Минерве его привлекали его проживать некоторое время; непременно же жилища не имел он нигде, почитая себя пришельцем на земле во всем разуме слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежского помещика, жил у него в деревне и написал у него сочинение «Икона Алкивиадская», которое и приписал ему в память признательности своей к дому сему. Потом имел пребывание в Бурлуках у Захаржевского, ради приятных положений природы жительствовавал у Щербинина в Бабаях, в Ивановке у Ковалевского, у друга своего в Хотетове, в монастырях Старо-Харьковском, Харьковском училищном, Ахтырском, Сумском, Святогорском, Сеннянском и проч. по

несколько времени. Иногда жил у кого-либо из сих и у других, совершенно не любя их пороков, но для того только, дабы чрез продолжение времени, обращаясь с ними, беседуя, рассуждая, нечувствительно привлечь их в познание себя, в любовь к истине, в отвращение от зла и примером жизни заставить любить добродетель. Впрочем, во всех местах, где жил он, избирал всегда уединенный угол, жил просто, один, без услуги.

Харьков любил он и часто посещал его. Новый тамошний начальник, услышав о нем, желал видеть его. Сковорода пришел к нему по приглашению его. Губернатор, увидя его в первый раз и посмотря на него пристально, спросил его:

– Господин Сковорода! О чем учит Библия? – О человеческом сердце, – отвечал он. – Поваренные ваши книги учат, как удовольствовать желудок; псовые – как зверей давить; модные – как наряжаться; Библия учит, как облагородствовать человеческое сердце.

Некто из ученых спросил его тут же, что есть философия.

– Главная цель жизни человеческой, – отвечал Сковорода. – Глава дел человеческих есть дух его, мысли, сердце. Всяк имеет цель в жизни, но не всяк главную цель, то есть не всяк занимается главою жизни. Иной занимается чревом жизни, то есть все дела свои направляет, чтобы дать жизнь чреву; иной – очам, иной – волосам, иной – ногам и другим членам тела; иной же – одеждам и прочим бездушным вещам; философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно. Сие есть философия.

Из Харькова опять отправился он в Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательств, попечений, находил он все свои желания исполненными в ничтожестве оных. Занимаясь сокращением нужд естественных, а не распространением, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми. Когда солнце, возжегши бесчисленные свечи на смарагдо-тканной плащанице, предлагало щедрою рукою чувствам его трапезу, тогда он, принимая чашу забав, не растворенных никакими печальми житейскими, никакими воздыханиями страстными, никакими рассеяностями суетными, и вкушая радования высоким умом, в полном упокоении благодушества говаривал: «Благодарение всеблаженному богу, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным!»

Когда усталость в размышлениях заставляла его переменить упражнения свои, тогда он приходил к престарелому пчельнику, недалеко жительствовавшему в пчельнике, брал с собою в сотоварищество любимого пса своего, и трое, составя общество, разделяли между собою вечерю.

Ночь была ему местом упокоения от напряжений мысленных, нечувствительно изнуряющих силы телесные, а легкий и тихий сон для

воображения его был зрелищем зрелищ, гармонией природы представляемых.

Полуночное время имел он обычай всегда посвящать на молитву, которая в тишине глубокого молчания чувств и природы сопровождалась богомыслием. Тогда он, собрав все чувства и помышления в один круг внутри себя и обзрев оком суда мрачное жилище своего земного человека, так воззывал оные к началу Божию: «Восстаньте, ленивые и всегда книзу поникшие ума моего помыслы! Поднимитесь и возвыситесь на гору вечности!» Тут мгновенно брань открывалась, и сердце его делалось полем рати: самолюбие, вооружась с миродержителем века, светским разумом, собственными брэнности человеческой слабостями и всеми тварями, нападало сильнее на волю его, дабы пленить ее, воссесть на престоле свободы ее и быть подобным вышнему. Богомыслие, вопреки, приглашало волю его к вечному, единому, истинному благу его, вездесущему, всеисполняющему, и заставляло его облачиться во все оружие божие, дабы возмог стать противу козней лжемудрия. Какое борение! Сколько подвигов! Восшумели и смутились: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и ад борется в сердце мудрого, и может ли он быть празен без дела, без подвига, без пользы человечеству? Так заполуночные часы проводил он в бранном ополчении против сил мрачного мира.

Воссиявшее утро облекало его во свет победы, и в торжестве духа выходил он в поле разделять славословие свое со всею природою.

Сей был образ жизни его! «Не орю же, не сею, не покупаю, не воинствую, – так писал он к другу своему из пустыни, – отвергаю же всякую житейскую печаль. Что же делаю? Се, что, всегда благословя господу, поем воскресение его. Учусь, друг мой, благодарности: се мое дело! Учусь быть довольным о всем том, что от промысла божия в жизни мне дано. Неблагодарная воля есть ключ адских мучений; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ах, друг мой! Поучайся в благодарности, сидя в доме, идя путем, засыпая и просыпаясь; приемли и обращай все во благо: доволен сущими; о всем приключаящемся тебе не воздавай безумия богу; всегда радуясь, о всем благодаря, молись».

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнью. Не таково было тогда состояние друга его.

Обращение в великом свете, удаля его мало-помалу от его самого, заведя в лестные внешности, усыпя в нем доверие ко внутреннему голосу духа, простудя жар истинного любомудрия, возжгло в нем разум светский и возбудило свойства, собственные сему кругу бытия.

Свет облагоприятствовал его своими дарами, наложив на него усыпление, дал ему жену, друзей, приятелей, благодетелей, преданных знакомых, свойственников, житейские связи и выгоды. Но дары сии напоены были соком корня их и свойствами начала их. Он увидел в счастии превращение, в друзьях – измену, в надеждах – обман, в утехах – пустоту, в союзах – самовидность, в ближних – остуду, в своих – лицепрятие.

Таковы были последствия светского круга, в который попал он, оставя сам себя.

Удручен, изможден, истощен волнениями света, обратился он в себя самого, собрал рассеянные по свету мысли в малый круг желаний и, заключаемые в природное свое добродушие, прибыл из столицы в деревню, надеясь там найти берег и пристань житейскому своему обуреваю.

Свет и там искажил все. В глубоком уединении остался он один, без семейства, без друзей, без знакомых, в болезни, в печалях, в беспокойствах, без всякого участия, совета, помощи, соболезнования. Тогда он, возведя очи свои на зрелище света, на круг обстоятельств своих, на заблуждения свои, которых он сделался жертвою, и видя, что не на камне основан был храм житейского счастья его, в сердечном чувстве сожаления, ободрясь добродушием своим, воспел оную преисполненную истины песнь: «О Иерихон проклятый, как ты меня обманул!» и проч. Промысл божий воззрел на него в развалинах бытия его, воздвигнул дух мудрого, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлетний, по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему, приехал в деревню к другу своему, село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла, один разделить с ним ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая беседа, свободное сердце от всякого рабства света, суетности, пристрастия, торжество благодушия, утвержденное на семидесятилетних столбах жизни и увенчиваемое при исходах века спокойствием вечности, возбудили в друге его усыпленные силы разума, восперили чувства его, возвысили желания, устроили волю к воле вседержителя.

Сковорода привез к нему сочинения свои, из которых многие приписал ему; читывал оные сам с ним ежедневно и между чтением занимал его рассуждениями, правилами, понятиями, каковых ожидать должно от человека, искавшего истины во всю жизнь не умствованием, но делом и возлюбившего добродетель ради собственной красоты ее.

Речь доходила тут до разных толков или сект. Всякая секта, говорил он, пахнет собственностью, а где собственномудрие, тут нет главной цели или главной мудрости. Я не знаю мартынистов, продолжал он, ни разума, ни учения их; ежели они особничают в правилах и обрядах, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать их; если же они мудрствуют в простоте сердца, чтоб быть полезными гражданами обществу, то я почитаю их; – но ради сего не для чего бы им особничают. Любовь к ближнему не имеет никакой секты: на ней весь закон и пороки висят. Закон природы, как самонужнейший для блага человеческого, есть всеобщий и напечатлен на сердце каждого, дан всякому существу, даже последней песчинке. Благодарение всеблаженному богу, что трудное сделал ненужным, а нужное нетрудным!

Искание философского камня, или превращение всех вещей в золото и соделание состава из оногo, дабы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет, есть остаток египетского плотолюбия, которое, не могши продлить жизни телесной, при всех мудрованиях своих нашло способ продолжать существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий. Сия секта, говорил он, меряя жизнь аршином лет, а не дел,

несообразна тем правилам мудрого, о котором пишется: «Пожив мало, исполнил лета долгие». Сверх того, она ласкательствует соблазнительно суетности человеческой, похотоугодиям, гордости, зависти, любостяжанию; дает в мыслях перевес тленности, в сердце повод к саддукейству.

Друг его доводил беседу до истории святого Писания. «Многие, – сказал Сковорода, – не разумея меня или не хотя разуметь, клеветают, якобы я отвергаю историю Ветхого и Нового завета, потому что признаю и исповедаю в оной духовный разум, чувствую богописанный закон и усматриваю сущее сквозь буквальный смысл. Я пополняю сим историю, а не разоряю, ибо, как тело без духа мертво, так и святое Писание без веры; вера же есть невидимых извещение. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то сим не уничтожаю нарядов его, ни оружия его. Наряд, убранство, оружие воина есть история, а разум и слава сей истории есть дух воина, дело его. Когда я, смотря на прекрасный храм, превозношу похвалами симметрию, пропорцию, великолепие, то, относя сие к искусству создателя, к красоте целого, отвергаю ли, исключаю ли кирпич, известь, железо, песок, воду, каменщиков, ваятелей и проч., как будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тем не отметаю наружности оного.

Читая святое Писание в намерении научиться в нем богопочитанию, богобоязливости, любви ближнего, повиновению начальству, покорности ко властям предлежащим, усовершению сердца во всех отношениях его, когда я найду, например, историю, что Аарон-первосвященник золотого тельца иудейского, сделанного ими в небытность его и поклоняемого от них, бросил в огонь и растопил, то я не останавливаюсь тут на химической работе, помня всегда, что Библия не есть наука химии, но книга священная, поучающая святости нравов человека, способного внимать учению ее. Я научаюсь из сей истории, что сердце человеческое не может быть без упражнения и что когда удаляется от оного мысль священная, понятие истины, дух разума, то оное мгновенно повергается в занятие подлые, неприличные высокому роду его, и чтит, величает, боготворит презренное, ничтожное, суетное. Сей разум истории назидает меня много больше и споспешествует внутреннему моему усовершению, нежели как если бы я, узнав, как золото переделывать мгновенно из всего и все претворять в оное, занялся хотением или упражнением богатиться или химичесествовать.

Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом и, что возможно в малом мире, то возможно и в великом по соответствию оных и по единству всеисполнение исполняющего духа. Но для сего не добиваюсь я знать, как и когда Моисей разделил море жезлом в великом сем мире, в истории, а поучаюсь, как бы мне в малом моем мире, в сердце, разделить смесь склонностей, природы непорочной и растленной, и провести волю мою непотопленно по пути житейского бытия, дабы доставить себе в свое время свободу мыслей, то есть веселие духа, или так называемое счастье в жизни.

Не туда ли зывают нас оные слова, часто провозглашаемые в храмах наших: «Премудрость прости»? Что бо есть простое, если не дух? Что

сложное, что смесь, состав, соткание, если не плоть, история, обряд, наружность? Сими словами высокими побуждаемся к возвышению мыслей наших выше видимого обряда служения, выше буквального смысла, выше исторического богочитания. Распространи разумение слов сих по всему кругу Вселенной, по всему лицу бытия твоего и увидишь невидимого, силу Божию, дух господень, воскресение. Что бо есть воскресение, если не простота, очищенная от тленного состава, от множественности, от делимости.

Но сии исторические христиане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человеки, духа не имея, хулят то, чего не понимают».

Иногда разговор его с другом касался смерти. Страх смерти, говорил он, нападает на человека всего сильнее в старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооружением против врага сего, не умствованиями – они суть не действительны, – но мирным расположением воли своей к воле творца. Такой душевный мир приуготовляется издали, тихо в тайне сердца растет и усиливается чувством сделанного добра по способностям и отношениям бытия нашего к кругу, занимаемому нами. Сие чувство есть венец жизни и дверь бессмертия. Впрочем, преходит образ мира сего и, как сон встающего, уничтожается.

Имел ли ты когда, продолжал он, приятные или страшные сновидения? Чувствования сих мечтательных удовольствий или страха не продолжались ли только до пробуждения твоего? Со сном все кончилось. Пробуждение уничтожило все радости и страхи сонной грезы. Так всякий человек по смерти. Жизнь временная есть сон мыслящей силы нашей. В продолжение сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются в мечтании чувства нашего. Придет час, сон кончится, мыслящая сила пробудится, и все временные радости, удовольствия, печали и страхи временности сей исчезнут. В иной круг бытия поступит дух наш, и все временное, как сон встающего, уничтожится. Жена когда родит, младенец вступает в новый порядок вещей, новое поприще бытия, новую связь существ вместо той, в какой находился он в бытность свою во чреве матери. И какое тут различие? Чрево матери – и великий мир сей! По вступлении младенца из того в сей все предшедшее, теснота, мрак, нечистоты отрешаются от бытия его и уничтожаются.

Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои весы меру и число дела человеческие и суд божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть делать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро. Любовь добродетели подобна свету огня. Зажги огонь – тотчас свет осияет глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту к добродетели – тотчас сердце твое осветится веселием. Исполни, произведи в дело добродетели любовь, то корень сердца твоего напоишь туком блаженства. И каких благословенных плодов можешь ожидать от сего! Любовь к порокам подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчас тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нет тебе различия вещей; мир не существует для тебя лучшею и величайшею частью: се наказание уже постигло тебя с самым действием. Да не соблазняют тебя казистые

удовольствия развратных! Загляни внутрь их: тут огонь мучений не угасает и червь угрызений не усыпает. Если бог везде, то может ли беззаконник быть без него? Нет! Ах, нет! Бог есть в нем, судия его, мститель, терние его, огонь и жупел, дух бурен, часть чаши их. Дух и вечность есть то же. Посему разумеи жизнь вечную и муку вечную.

Говорили иногда о превратностях света. Они суть то, чем быть должны, сказал он тут: тут весна, лето, осень, зима суть свойства, не отделяемые от круга света, подобно как утро и вечер от круга дневного. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, перемененно: не разумен, не счастлив, кто ищет, кто требует постоянства и вечности в нем! Когда же нет постоянства в нем, то и любовь к нему должна иметь конец; отсюда печали, воздыхания, слезы отчаяния. Не говори мне о высоких чувствительных душах! Слезы их суть изливание природы, а не пристрастий и есть некое утешение плакать в свой час.

Вечность, ах вечность едина, есть беспечалие, постоянство, надежда. Положим сердца наши в силу ее и уделим себе от сокровищ ее в брэнной сей временности телесного бытия. Вечность и время един состав суть, но не едино: одно – свет, другое – тьма; одно – добро, другое – зло; одно – глава, другое – хвост.

Услыша в окрестности места о прибытии Сковороды к другу своему, многие желали видеть его, и для того некоторые приехали туда в село Хотетово.

Из начальства правления орловского молодой человек, подойдя к нему, приветственно сказал:

– Г. С.! Прошу полюбить меня.

– Могу ли полюбить вас, – отвечал Сковорода, – я еще не знаю.

Другой из числа таковых же, желая свести с ним знакомство, говорил ему:

– Я давно знаю вас по сочинениям вашим; прошу доставить мне и личное знакомство ваше. Сковорода спросил его:

– Как зовут вас?

– Я называюсь так, именем и прозванием NN, – отвечал сей.

Сковорода, остановясь и подумав, сказал ему: «Имя ваше не скоро ложится на моем сердце». Простота жизни, высота познаний, величайший и долголетний подвиг Сковороды в любомудрии опытным раздирали ризу лицемерия высокоумствующих и обнажали пустоту их. Они, прикрывая зависть свою и наготу сердца листвием сожаления, говорили другим: «Жаль, что Сковорода ходит около истины и не находит ее!» В то время, когда сей увенчиваем уже был знаменами истины, они, обвешаны знаменами соблазнов, гордо и бесстыдно являлись в личине истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили расстройку в здоровье его, усилили кашель и расслабление. Он, проживя у друга своего около трех недель, просил отпустить его в любимую им Украину, где он жил до того и желал умереть, что и сбылось. Друг упрашивал остаться у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в

доме. Но он сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя его всем потребным, дав ему полную волю по нраву его выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чем ехать ему, представил ему для дороги в случае надобности нужный запас, говоря:

– Возьмите сие; может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплатить...

– Ах, друг мой! – сказал он. – Неужели я не приобрел еще доверия к богу, что промысл его верно печется о нас и дает все потребное во благовременность? Друг его замолчал с приношением своим. 1794 года, августа 26 числа, отправился он в путь из Хотетова села в Украину. При расставании, обнимая друга, сказал: «Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить ее».

Приехав в Курск, пристал он к тамошнему архимандриту Амвросию, мужу благочестивому. Проживя несколько тут из-за непрерывных дождей и улуча вёдро, отправился он далее, но не туда, куда намеривал. В конце пути своего почувствовал он побуждение ехать в то же место, откуда поехал к другу, хотя совершенно не расположен был. Слобода Ивановка помещика Ковалевского было то местопребывание, где несколько времени жил он прежде и куда прибыл скончать течение свое.

Болезни старостью, погодою, усталостью от пути приблизили его к концу его. Проживя тут больше месяца, всегда почти на ногах еще, часто говаривал с благодушием: «Дух бодр, но тело немощно». Помещик, видя изнеможение его крайнее, предложил ему некоторые обряды для приуготовления к смерти. Он, как Павел-апостол, почитая обряды обрезания ненужными для истинно верующих, ответственвал, подобно как Павел же иудеям обрядствующим. Но, представя себе совесть слабых, немощь верующих и любовь христианскую, исполнил все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, на рассвете, 1794 года. Перед кончиною завещал предать его погребению на возвышенном месте близ рощи и гумна и следующую сделанную им себе надпись написать:

Мир ловил меня, но не поймал.

Высокомудрствующе не оставили преследовать его злословием даже и во гроб, проповедуя в сонмищах и везде, что Сковорода оставил надпись сию по себе из гордости и кичения. Много потребно иметь дерзости, чтобы осмелиться уверять о сем! Чтобы более сказать к нему и ввести его в презрение и возвышение себя, то они стараются важно утверждать и изыскивают способы уверять, что Сковорода был способен к порокам. Дабы пред очами людей заменить добродетельную жизнь мнимовысокими своими знаниями таинств и правил, то они разгласили, якобы Сковорода при кончине своей увидел заблуждения свои, состоявшие в непоследовании толку их, признал оные, просил прощения через одного из братства и раскаивался. Но как известная святость жизни Сковороды и честные правила его, имеющие целью любовь истины и добродетели, а концом

красоту и совершенство духа, были, так сказать, спицею в око лицемерам сим, то и неудивительно, что они пускают всякого рода ядовитые стрелы в память его; однако сим самым в чувствах простых и правдолюбивых сердец душа его приобретает вящую красоту страждущей невинности и, сквозь мрак смерти и клевету злобных душ сияя внутренним спокойствием, представляется в умах богорожденных достигающим совершенства мудрого мужем).

Имеются многие сочинения его, из которых лучшие доставил он, писанные все рукою своею, другу своему и о всех приложил список своеручный при письме к другу следующего содержания:

Число творений моих:

1. Наркисс, узнай себя.
2. Симфония: рек – сохраню пути моя.
3. Симфония: аще не увеси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавит мира: о природе.
6. Разговор «Кольцо».
7. Древний мир.
8. Жена Лотова.
9. Брань архангела Михаила с Сатанюю.
10. Икона Алкивиадская.
11. Беседа I. Сион.
12. Беседа II. Сион.
13. Беседа III. Двое.
14. Диалог: Душа и Нетленный Дух.
15. Благодарный Еродий.
16. Убогий Жаворонок.
17. О христианском добронравии, или катехизис.
18. Асхань, о познании себя.

Переводы:

1. О старости (Цицерона).
2. О божием правосудии.
3. О смерти.
4. О хранении от долгов.
5. О спокойствии душевном.
6. О возделении богатств.
7. О уединении... (Сидрония).

Кроме сочинений и переводов сих, многие на российском, латинском, эллинском языке, находятся письма его весьма поучительные, писанные к другу и прочим; многие стихословия и другие сочинения, которых собрание частью хранится у друга его.

Как он писал для своей стороны, то и употреблял иногда малороссийские наречия и правописание, употребляемое в произношении малороссийском: он любил всегда природный язык свой и редко принуждал себя изъясняться

на иностранном; эллинский предпочитал всем иностранным. Друг его написал сие на память добродетелей его, в благодарность сердцу его, в честь отечества, в славу бога.

1795 г., февраля 9, в селе Хотетове.

Надгробная надпись:
*Григорию Саввичу Сковороде,
 в боге скончавшемуся
 1794 года,
 октября 29-го дня.*

Ревнитель истины, духовный богочтец,
 И словом, и умом, и жизнь мудрец;
 Любитель простоты и от сует свободы.
 Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
 Достиг на верх наук, познавши дух природы,
 Достойный для сердец пример, Сковорода.
 М. К.

М.Е.Чайковский*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ УКРАИНСКОГО ФИЛОСОФА И ПРОСВЕТИТЕЛЯ XVIII СТОЛЕТИЯ Г.С.СКОВОРОДЫ И УЧЕНИЕ «ЖИВАЯ ЭТИКА»

*Историк, вице-президент Подольского культурно-просветительского центра им. Н.К.Рериха, г. Хмельницкий

На земном плане во все времена появлялись люди, жизнь которых определялась великой целью постижения основ Бытия. Одним из них был выдающийся украинский мыслитель и писатель Григорий Саввич Сковорода, 275 лет со дня рождения которого исполняется в декабре нынешнего года. В большой монографии, посвященной Г.С.Сковороде, философ Владимир Эрн, называя Сковороду родоначальником русской философской мысли, писал: «Основной звук, которым звучало для Сковороды мироздание, и которым душа его сочувственно откликалась на впечатления жизни, родился как бы до физического рождения Сковороды в метафизической глубине космического бытия, и мудрость Сковороды есть как бы переводение в план человеческого сознания того, что уже в плане вселенского бытия умопостигаемо дано и что земной жизни Сковороды задано, как подвиг свободного искания Истины и Совершенства» [13, с.36, 37].

«...Я всецело посвятил себя одной только божественной Истине», – писал в одном из писем Г.С.Сковорода. Он усматривал высшее предназначение

пророка, а также философа в том, чтобы «прозреть... нечто новое, нестаряющееся, чудное и вечное, и сие возвещать» [9, с.362].

Живая Этика говорит: «...Великие Учителя во всех веках утверждали силу мысли, дальние миры, явление непрерывности жизни и Тонкий Мир» [3, §183]. «Истина одна, но каждый век и даже каждое десятилетие своеобразно прикасается к ней. ...Даже познание языков умножит восприятия новых находений» [2, §188].

Именно последние строки из Учения Живой Этики напоминают о том, что широта познаний может способствовать прокладыванию путей к нахождению истины. Эти строки нельзя не вспомнить, говоря о необычной судьбе Г.С.Сковороды. «Поистине достойно великого удивления», – писал В.Ф.Эрн, – что Г.С.Сковорода, который вышел из среды простого народа, «становится, быть может, образованнейшим русским человеком XVIII столетия», и «перелетая ...века и пространства... сквозь трескучий шум торжествующего рационализма XVIII столетия чутко различает затихшую мудрость античности и восточно-христианского умозрения» [13, с.48].

Родившись в семье малоземельного казака на Полтавщине, Григорий Сковорода рано проявил разносторонние дарования – и к наукам, и к музыке, выделяясь даже среди способнейших сверстников по учебе в Киево-Могилянской академии. Он пел, играл на различных инструментах, и судьба сложилась так, что одно время он пел в капелле при дворе царицы Елизаветы Петровны. Но, пробыв там недолго, Сковорода вернулся опять в академию.

Получив здесь широкие познания в философии, метафизике, математике, естественной истории и богословии, других науках, Сковорода свободно владел также латынью и немецким, знал греческий и еврейский языки, поэтому Библию мог читать без перевода. Он в подлинниках изучал Платона и Демосфена, Эпикура и Марка Аврелия, Лукиана, Плутарха, Горация, Вергилия, Цицерона, Сенеку, Лукреция... Среди любимейших Сковородою древних авторов были Ориген, Климент Александрийский, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник.

Перечисляя имена любимых Г.С.Сковородою мыслителей, его близкий друг, духовный ученик и биограф Михаил Ковалинский без уточнения добавил: «А из новых – относительные к сим». Видимо, за этими словами кроется ответ еще на один вопрос об источнике познаний Сковороды. Из жизнеописания Сковороды, принадлежащего Ковалинскому, можно узнать, что его учитель в годы молодости несколько лет провел в Европе с миссией генерал-майора Вишневого, посетил там ряд стран, где смог, как пишет Ковалинский о Сковороде, «доставить себе знакомство и приязнь ученых, а с ними новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве» [2, с.375].

Какие познания имел в виду Ковалинский? Может быть, те, о которых писал в своей монографии «Философия Г.С. Сковороды», опубликованной в Варшаве в 1934 году, украинский ученый Дмитрий Чижевский. Здесь прослеживалась близость мировоззрения Сковороды с духовными течениями немецких мистиков, в числе которых назван и Якоб Бёме. В одной

из других своих работ Чижевский упоминал, что Сковорода очень близко стоял к теософской линии развития мысли [12, с.21]. Заслуживает внимания, что, говоря об источниках философии Сковороды, Чижевский одновременно подчеркивал, что не надо забывать и о глубине собственного духа этого мудреца, о духовных братьях, родственных ему «не случайными параллелями мыслей, а единством понимания мира и жизни» [11, с.6].

Вернувшись из чужих краев, полон ученостью, но с пустым карманом, как писал о том М.И.Ковалинский, Г.С.Сковорода был преподавателем поэзии в Переяславском училище, но вынужден был уйти оттуда, так как не подчинился попыткам местного епископа наставлять его в методах обучения поэзии. Затем стал учителем в семье вельможного малороссийского дворянина. Позже не раз отказывался от предложений перейти в монашество и обещаний высокого духовного сана. Занимался педагогической деятельностью в Харьковском коллегииуме. И, наконец, был обвинен в ереси церковными властями за лекцию под названием «Начальная дверь к христианскому добронравию», где с отступлениями от ортодоксальных взглядов истолковывались десять библейских заповедей. «Все то, – пишет М.И.Ковалинский, – основывалось на познании Бога...» [9, с.397].

Какими же словами говорил о Боге Сковорода? «...Теперь мало кто понимает Бога... Однако же... все века и народы всегда согласно верили, что есть тайная, некая, по всему разлившаяся и всем владеющая сила. ...Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь пронизывает и содержит; везде всегда был, есть и будет. ...Подданный его есть всякий народ» [8, с.113]. Сковорода говорил о законе Божьем, что он есть Божье сердце в человеке. О том, что Божий закон почти везде подменяют человеческими преданиями, вознося их даже выше.

Эти и другие подобные утверждения вызвали резкую реакцию со стороны духовенства, и Сковорода уходит из Харьковского коллегииума. С 1769 года, в продолжение 25 лет, он ведет страннический образ жизни, пишет философские сочинения, диалоги, трактаты, притчи, занимается переводами. Все это не печаталось при жизни мыслителя, но труды его уже в списках получили широкое распространение среди почитателей его взглядов.

В позднейших исследованиях философского наследия Сковороды не раз отмечался четко выраженный пантеистический характер его мировоззрения. Обратимся к Учению Живой Этики. «...Задача Нового Мира – пробудить сознание и вернуть Миру предназначенный Облик Красоты. Творчество духа должно напрягаться именно к восхождению. Именно не низводить Высшее, но подымать. Потому первым условием будет творить Образ Божий по Божественному. Когда человеческое сознание перестанет изображать Божественность по-человечески, тогда достижения духа будут огненны» [6, §266].

Какое же знание о Высшем Представлении стремился передать миру Г.С.Сковорода? Елена Ивановна Рерих писала: «...Отбросим ограничения или очеловечение Несказуемой Мощи и примем величественный пантеизм

древних, отзвук которого мы находим в Заветах всех Великих Учителей, и в Библии, и в Евангелиях...» [7, 3.12.37]. Сковорода обращался к Библии. Он писал: «Внемли себе! Тут сыщешь Того, о Котором сказано: «Бог наш Огнь поядающий есть»» [8, с.226]. «А поскольку в Боге нет мужского пола, ни женского, но все в Нем и Он во всем, для того сказывает Павел: «Который есть всяческое во всем...»» [8, с.101]. Сочинения Сковороды буквально пронизаны необычными для его времени и окружения утверждениями: «...Что есть Бог, если не вечная слава и тайный закон в тварях? ...Закон же сей что есть, если не владеющая тлением господственная природа, названная у древних отцов... «трисолнечное единство и естество». Сия единица всему глава, а сама безначальная, ни временем, ни местом, ни полом не ограниченная, ни именем» [8, с.414].

«...Бесконечный конец, безначальное начало и Бог – все одно», – писал Сковорода [8, с.332]. «Он все предваряет и после всего остается, чего ни о чем другом уже сказать не можно» [8, с.394]. «Разве ты не слышал, – говорит персонаж одного из его диалогов, – что Высочайшее Существо свойственного себе имени не имеет?» [8, с.318].

Вспоминаются слова из книги «Мир Огненный» (ч.II): «Не сборник утопий неслыханных Учение Жизни! Существование человечества очень древнее, и в течение веков всевозможные искры Мудрости проливались на Землю...». Сходство основных направлений мировоззрения Г.С.Сковороды с Учением Живой Этики прослеживается в его взглядах на строение Вселенной, непрерывность жизни, на значение сердца как средоточие духовной жизни, на земное предназначение человека и пути эволюции. Вопрос этот настолько обширный, что требует более глубокого освещения, поэтому хотелось бы отметить только отдельные моменты.

В книге «Надземное» есть строки о существовании представления, что только на Земле «существует жизнь человеческая. Можно изумляться подобным заблуждениям. Такие голоса могут лишь вредить эволюции. Люди и без того не умеют заглянуть в Беспредельность» [3, §288]. Это сказано для поколений, живущих в XX столетии. А что говорил своим современникам Г.С.Сковорода? В одном из трактатов он подсказывал: «...Обитаемым мирам нет числа, как ныне начали думать... Конечно, каждого мира машина имеет свое, с плывущими в нем планетами небо» [9, с. 19].

У Елены Ивановны Рерих читаем: «...В мире проявленном все противоположения налицо, то есть свет и тьма, дух и материя, добро и зло и так далее. ...Действие противоположений производит гармонию... Именно, мир проявленный держится в равновесии силами противодействующими» [7, 3.12.37]. – «Мир в мире, – пишет Сковорода, – есть... вечность в тлени, жизнь в смерти, ...свет во тьме, во лжи истина, ...в отчаянии надежда» [9, с. 16].

С приближением Новой Эпохи в сознание человечества вводится понятие Беспредельности. Живая Этика говорит о Беспредельности как об Основе и Первопричине всего сущего и о бесконечности понятий, связанных с нею. Подобные же мысли высказывались Г.С.Сковородою: «Взглянем теперь на всемирный мир сей, как на увеселительный дом вечного... Если же мне скажешь, что внешний мир... в каких-то местах и временах кончится,

имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиречь начинается. Видишь, что одного места граница есть и... дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда ж зачинается цыпленок, когда портится яйцо. И так всегда все идет в бесконечность... «Материя вечна»» [9, с.16,17].

«Признак отношения к смерти очень важен для характера Учения: в нем заключается понимание перевоплощения» – это мысль из «Учения Живой Этики» [5, §334].

Сковорода много раз возвращался к этой теме: «Всякая внешность есть мимо протекающая река. ...Когда-либо смертное тело оставлять надобно. О беднейшие, почитающие тело свое тленное и не верующие новому!» [8, с.14]. «Что смерть духовная есть несчастье, это можно видеть более чем достаточно из Священного Писания, но что телесную смерть следует оплакивать, я не помню, чтобы когда-либо об этом читал... Смеюсь над человеческой глупостью, ее же оплакиваю» [9, с.256].

В своих письмах и произведениях Г.С.Сковорода не раз упоминает Платона, называя его великим мужем и боговидцем. Подобно платоновскому Сократу, Сковорода убеждал заботиться прежде всего о высоком состоянии души. Кстати, Сковороде не раз называли и украинским, и русским Сократом. В одном из переводов Цицерона Сковорода повторял близкие ему самому мысли Платона о предсуществовании души: «Не можно тому стать, чтоб находящийся внутри нас дух не был бессмертный. ...Сие довольно видно оттуду, что человек, будучи еще мальчиком и трудных обучаясь наук, столь скоропостижно бесчисленные примечания понимает, что, по-видимому, он не в первой раз оные слышит, а только протверживает то, что ему знакомо. Сие мнение есть почти всё Платоново» [10, с.199].

– Каждый человек несет особое поручение, говорит Агни-Йога [12, §568]. «...Разумей..., к чему ты рожден...» – эту мысль встречаем и у Сковороды [8, с.419]. Он знал, что, проходя через многие рождения и смерти, бессмертный дух должен воспринимать получаемые уроки: «...Почто на утро, на тысячу лет, на несколько веков и кругообращений планет откладываем жизнь, смерть, воскресение, суд, глас сына Божиего?» [9, с.392]. Сковорода писал о свободе воли и неизбежной ответственности человека, путь которого расходится с благой Божьей волею: «Человек есть орудие, ...имеющее преимущество свободы и полную волю избрания, а потому и цену и отчет за употребление права сего в себе держащее» [9, с.395]. Мыслитель говорил о путях человеческой души в ее бесконечных странствованиях к заповеданной цели: «Если огонь в твоей груди подлинный и истинный, то сгорит все, что в ней есть земного, чтобы ты когда-либо стал чистый сердцем и узрел Бога, Бога и Истину, делающую блаженными те очи, которые ее видят» [9, с.212]. И еще: «Что радостнее Святому Духу, как то, чтобы нам всем стать Богом?» [8, с.258].

Сковорода неустанно призывал людей к познанию самих себя: «...Кто может узнать план в земных и небесных пространственных материалах, прилепившихся к вечной своей симметрии, если его прежде не мог усмотреть в ничтожной плоти своей?» [8, с.135]. Он говорил о скрытой божественной сути человека и предвидел:

«Чего ж больше скорбеть тебе, душа моя? ...Познала ты уже в себе человека, и сила его бесконечна» [8, с.153].

Читаем Живую Этику: «Центры Космоса равны центрам человека. Человек несет в себе все проявления Космоса» [1, §200]. А вот слова Сковороды: «Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, то возможно и в малом по соответствию оных и по единству все исполнение исполняющего духа» [9, с.408].

Сколько высоких мыслей посвятил Сковорода сердцу! «...Сердце есть мыслей бездна. А мысли – семена и источник действиям» [8, с.451]. «О сердце, бездна всех вод и небес ширшая!.. Сколь ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает» [8, с.136]. «Человек есть сердце. Мир сердцу!» [9, с.317]. Так говорил Сковорода своим современникам, обращая их внимание на то, что сердце, мысль, дух – невидимая сила человека. Он знал и силу мысли. Вслед за великим Платоном, утверждавшим, что мысли управляют миром. Сковорода писал: «Все не наше, все погибнет... Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вечна...» [8, с.80].

«Новая Эпоха блеснет новым осознанием Учения Христа», – предсказывала Елена Ивановна Рерих [7, 26.5.36]. Насколько же глубоким было внутреннее зрение Г.С.Сковороды, который еще за два столетия до этого выступал против человеческого невежества и корыстолюбия, разлагающего все то, что связано с духовностью. «Мы теперь гораздо отродились (отгородились) от древних христианских предков, пред которых блаженными очами истина Господня ... в полном своем сияла блистании» [8, с.329], – писал Сковорода. «...Сатанинское богатство нищету Христову преодолело, осквернив сим лицемерием и самые храмы Божии...» [9, с.131].

Он говорил о подмене истинной веры церемониями, о расколах, подрывающих основы веры. «Один Бог, одна вера, одно око и в Библии и везде» – такие слова звучат в одном из трактатов [8, с.388]. «Приблизься к Богу сердцем», – говорил Г.С. Сковорода.

В работе «Взгляд Сковороды на космогонию и античная эзотерическая арифмология» доктор философских наук Магдалена Ласло-Куцюк из Румынии отмечала, что в постановке проблем космогонии подход Сковороды определялся не успехами современной ему физики, механики и астрономии, а идеями пифагорейцев и Платона, Аристотеля и Филона Александрийского.

Опережая время, мудрый Сковорода стремился передать другим истины, которые познал сам. «Мы под чубом и в украинской свитке имели своего Пифагора, Оригена и Лейбница», – говорил о Сковороде основатель Харьковского университета В.Н.Каразин. Цитируя эти слова, Магдалена Ласло-Куцюк отметила: «Это, кажется, наиболее точное определение места Сковороды в развитии мировой философской мысли» [4, с.112].

Из оккультной литературы известно, что высокая устремленность духовной жизни в какой-то миг может вознести сознание человека до неизведанных высот космического озарения. Был такой момент в жизни

Григория Саввича Сковороды. Спустя многие годы он рассказывал об этом своему другу Михаилу Ковалинскому:

«Имея разоженные мысли и чувства души моей благоговением и благодарностию к Богу, встав рано, пошел я в сад прогуляться. Первое ощущение, которое осязал я сердцем моим, была некая развязанность, свобода, бодрость, надежда с исполнением. Введя в сие расположение духа всю волю и все желания мои, почувствовал я внутри себя чрезвычайное движение, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно излияние некое сладчайшее наполнило душу мою, от которого все внутреннее мое возгорелось огнем, и казалось, что в жилах моих пламенное течение кругообращалось. Я начал не ходить, но бегать, как бы носим неким восхищением, не чувствуя в себе ни рук, ни ног, но будто бы весь я состоял из огненного состава, носимого в пространстве кругобытия. Весь мир исчез предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствия, вечности оживляло существование мое. Слезы полились из очей моих ручьями и разлили некую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил как сыновнее любви уверение и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение Духу Божиему» [13 с.401].

Таким был человек, на могиле которого надпись: «Мир ловил меня, но не поймал».

Хочется напомнить также слова о странниках из книги «Братство»: «Среди внешних признаков пригодности обращайтесь внимание на странников, нечто двигает ими и не дает покоя. Они легче других судят о хрупкости собственности. Они не страшатся расстояния, они научаются многому. Между ними могут быть вестники» [12, §198].

Сковорода был странствующим философом. «Странник я на земле», – говорил о себе он. Как писал М.Ковалинский, «дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, ...странником, выделял в нем сердце гражданина всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу приклонить, сторицею больше вкушает удовольствий... истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищах Вечного» [9, с.378].

Этими-то сокровищами на века вперед одаривал других философ, поэт и просветитель XVIII столетия Григорий Сковорода.

Литература:

1. Книга «Беспредельность». «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
2. Книга «Братство, 1937 год». «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
3. Книга «Братство, 2-я часть. Надземное, 1937 год». «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
4. Ласло-Куцук М. «Погляд Сковороди на космогонію і арифмологію»// Киев. 1991, №10.

5. Книга «Листы Сада. Книга вторая». «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
6. Книга «Мир Огненный. Часть третья». «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
7. «Письма Елены Рерих», в 2-х томах. Кишинев: Лист, 1995.
8. Сковорода Г.С. «Сочинения», в 2-х томах. Т. 1. М., 1973.
9. Сковорода Г.С. «Сочинения», в 2-х томах. Т. 2. М., 1973.
10. Сковорода Г. «Повне зібрання творів», в 2-х томах. Т.2. Киев, 1973.
11. Чижевський Д. «Фільософія Г.С.Сковороди». Варшава, 1934.
12. Чижевський Д. «Философская серия» Памфила Юркевича (Український Св, 1т. 1992. с.21).
13. Эрн В. «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение», М., 1912.

Дополнительная литература:

1. Л.П.Дмитриева, «Посланник Утренней Звезды Христос и его Учение в свете Учения Шамбалы», в 7-ми томах, Кишинев, «Видья», 1998.
2. Л.П.Дмитриева. «Тайная Доктрина» Елены Блаватской в некоторых понятиях и символах», в 3-х томах, Магнитогорск, «Амрита», 1992.
3. А.И.Клизовский, «Основы миропонимания Новой Эпохи», Минск, «Мога Н – Вида Н», 1995.
4. «Письма Елены Рерих», в 2-х томах, Минск, «Лотаць», 1999.
5. Е.И.Рерих, «Письма в Америку», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
6. Н.Уранов, «Огонь у порога», Новосибирск, 1999.
7. «Грани Агни Йоги», в 14-ти томах, Новосибирск, «Алгим», 1994-1998.
8. «Агни Йога», в 4-х томах, М., «Сфера», 1999.
9. «Современные космические легенды Востока», Новосибирск, «Согласие», 1999.
10. «Психическая энергия и здоровье», М. МЦР, 1996.
11. «Агни Йога. Справочник». А.И. Рыженко, Н.Г. Толмачев, «Торсинг», Харьков, 2002.
12. «Кибалион» (Изумрудная скрижаль Гермеса), Ассоц. Дух. Един. «Золотой век», М., 1993.
13. Е.П.Блаватская, «Тайная доктрина», в 3-х т., Лондон, 1897.
14. Рерих Н.К. «Листы дневника». В 3-х томах, М.: МЦР, Фирма «Бисан-Оазис», 1995.
15. «Знамя Преподобного Сергия Радонежского». М.: 1991.
16. Беликов П.Ф. «Рерих (опыт духовной биографии)». Новосибирск, 1994.
17. П. Ф. Беликов «Непрерывное Восхождение», в 3-х томах М., 2004
18. Л.Д.Любимов «Искусство Древней Руси», М., 1974
19. А.В.Муравьев, А М Сахаров «Очерки истории русской культуры IX-XVII вв», М., 1984.
20. Е Осетров «Живая древняя Русь», М., 1984
21. М Н Тихомиров «Русская культура X - XVIII вв», М., 1968
22. Ф И Тютчев «Литературное наследие», т. 1, М., 1988
23. «Древнерусское искусство XIV - XV вв», М., 1984 «Советская Россия», 7 05 1996